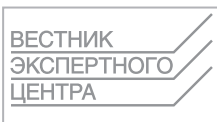

**ВЕСТНИК
ЭКСПЕРТНОГО
ЦЕНТРА**

**ВСЕМИРНЫЙ
РУССКИЙ
НАРОДНЫЙ
СОБОР**

**2017
4**

При участии Научного совета Российской Академии Наук по изучению и охране культурного и природного наследия

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВЫ СОБОРНОЙ МЫСЛИ

- Кирилл**, Святейший Патриарх Московский и всея Руси, Глава Всемирного Русского Народного Собора
Богатство и бедность: исторические вызовы России
Слово на XI Всемирном Русском Народном Соборе _____ **3**

ДОКУМЕНТЫ

- Рудаков Александр Борисович**, руководитель Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора
Тимаков Владимир Викторович, заместитель руководителя Экспертного центра
Всемирного Русского Народного Собора
Российская цивилизация как союз народов _____ **11**

- Расторгуев Валерий Николаевич**, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, председатель Научного совета Экспертного центра
Всемирного Русского Народного Собора, доктор философских наук
Россия и Запад: новые реалии, новое прочтение (часть 2) _____ **23**

- Малер Аркадий Маркович**, глава интеллектуального клуба «Катехон», преподаватель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, член Синодальной библейско-богословской комиссии и Межсоборного присутствия РПЦ
Русская идея и христианский персонализм _____ **42**

- Лепехин Владимир Анатольевич**, директор Института ЕврАзЭС, член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня», координатор Дискуссионного клуба Всемирного Русского Народного Собора, кандидат философских наук
Моральный интеллект против интеллекта логического. Об одной из ключевых проблем когнитивистики _____ **50**

- Соловьёв Никита Александрович**, ведущий научный сотрудник Лаборатории квантовой когнитивистики и интеллектуальных систем Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, кандидат физико-математических наук
Нужна ли России метафизика? _____ **57**

- Посадский Александр Владимирович**, профессор Смольного университета РАО, член Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора
Русский мир: ценностные основания и византийские истоки _____ **67**

- Волобуев Сергей Григорьевич**, заместитель руководителя Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора
Общегражданская философия как альтернатива государственной идеологии. Возможность и базовые смыслы _____ **80**

Богатство и бедность: исторические вызовы России

КИРИЛЛ,

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси,
Глава Всемирного Русского Народного Собора*

СЛОВО на XI Всемирном Русском Народном Соборе

Десятый съезд Всемирного Русского Народного Собора, состоявшийся в прошлом году, начал дискуссию о модернизации России. В связи с особой важностью вопроса и с тем, что Собор прошлого года лишь прикоснулся к означенной теме, но не сумел ее достаточным образом раскрыть, представляется необходимым продолжить рассмотрение этой темы в контексте обсуждения проблемы богатства и бедности.

Существует ли у России на нынешнем этапе ее исторического развития альтернатива модернизации? Ответ представляется однозначным: «Нет!»

Только модернизация страны может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества. Потребность в ней вырастает из самой народной среды. Ожидание лучшей жизни, можно сказать, накалено до предела. Кажется, что если не произойдет заметных сдвигов в этом направлении, то в обозримом будущем случится какой-то надрыв в народной воле. По данным на 2004 год, ниже официального прожиточного уровня жили около 20 % россиян. Это значит, что у значительной части нашего общества нет материального достатка, позволяющего достойно питаться, одеваться, обзаводиться жильем, растить детей, иметь доступ к высококачественному образованию, здравоохранению, отдыху, культуре, средствам коммуникации. В России по-прежнему нет среднего класса, который бы охватывал большинство граждан. Сохраняется серьезный разрыв по уровню доходов между городом и деревней. В результате происходит отток остатков сельскохозяйственного населения в города и еще большее запустение российской деревни. К низкому уровню жизни добавляются периодические сбои коммунальных систем, плохое качество дорог, проблемы с общественным транспортом, плохое состояние общественных зданий, ухудшение окружающей среды.

Модернизация – это еще нравственный императив для нашего общества. Потому что без модернизации будут продолжать попираться не просто человеческие законы, но Божии заповеди. С одной стороны, – страна владеет несметными

богатствами, которыми Господь щедро наделил наши недра. По разным подсчетам, в нашей стране сосредоточено от 30 % до 40 % процентов полезных ископаемых земли. Благодаря экспорту природных ресурсов собирается стабилизационный фонд, а также богатеет очень незначительная часть общества. С другой стороны, большинство населения страны живет в нищенских условиях. Можно было бы сказать: «Не надо завидовать, а надо работать». В том-то и дело, что люди работают, а получают за свой труд гроши. Если в прежние времена такую зарплату компенсировала мощная социальная система, доставшаяся в наследство от советских времен, то с каждым годом она все больше тает, а покупательная способность людей остается прежней.

Согласно официальной статистике, в России доходы 10 % самых богатых превышают доходы 10 % самых бедных в пятнадцать раз. Можно предположить, что с учетом реальных доходов состоятельных граждан эта разница составляет 20–25 раз. Для сравнения приведу ситуацию в Швеции, в которой разрыв в доходах составляет 4 раза, а в среднем по Европе эта цифра не превышает 6–7 раз, в США – 9. Преодоление вопиющего неравенства в России – это в первую очередь вопрос выживания нашей страны. В других странах в условиях подобного разрыва между уровнями жизни людей происходят социальные беспорядки и даже революции. Мы не можем наступать на одни и те же исторические грабли, индифферентно относясь к столь резкой материальной пропасти между богатым меньшинством и бедным большинством. В начале XX века такая беспечность обошлась нам слишком дорогой ценой, чтобы ее платить еще раз.

Надо отдать должное российской власти, которая в последние годы прилагает серьезные усилия по повышению уровня жизни народа. Как всем хорошо известно, были разработаны и активно реализуются национальные проекты в области здравоохранения, образования, доступного жилья и сельского хозяйства. Безусловно, плачевное социально-экономическое состояние граждан можно и должно корректировать с помощью рычагов социальной и экономической политики. Однако как сделать так, чтобы предпринимаемые изменения позитивно воспринимались обществом и оказывали на него благотворное воздействие? В своей истории Россия не один раз решала вопрос о том, как проводить модернизацию. Нередко самый простой способ видели в заимствовании опыта западных стран, которые добились на этом пути некоторых успехов. Естественно, в этом случае модернизация оборачивалась вестернизацией. В прошлом на таком видении модернизации основывались реформы Петра Великого, революционные преобразования XX века, включая трансформации 1990-х годов.

Но все реформы, предполагавшие перенесение западных образцов, оказывались половинчатыми. Каждый раз это происходило из-за того, что предложенные преобразования не принимались народом, а отвергались, как чуждые

ему. Поэтому власть нередко использовала принудительный аппарат, а порой запускала и репрессивный механизм против собственного народа. Однако только тогда положение реформаторов обретало устойчивость, когда происходило приспособление реформ к российской специфике. Подобная закономерность прослеживается в судьбе тех же Петровских преобразований, а также, с некоторыми оговорками, и в развитии советского строя, который просуществовал более 70 лет только потому, что на русской почве марксизм переродился и включил в себя ценности русской культуры.

Для того, чтобы какие-либо новые реформы в России имели успех, надо раз и навсегда понять, чем объясняются трудности, а нередко и неудачи прежних попыток реформ. Дело в том, что реформаторы не учитывали специфики ценностей, которых придерживается народ. Тысячелетняя история России сформировала мощный духовно-культурный код нашего народа, который направляет образ жизни отдельного человека и всего общества. Закваской этого кода является религиозная традиция. Для большинства народа России – это Православие, а для части граждан – это другие традиционные религии. Этот код невозможно разрушить, ибо он представляет собой совокупность истин, которые сформировались под воздействием религиозной традиции и прошли проверку на опыте народной жизни. В мирное время эти ценности помогали строить общественную жизнь, а в моменты военных испытаний – преодолевать трудности и опасности. Поэтому, когда игнорируются эти ценности и, тем более, когда пытаются заменить их на другие, то происходит скрытое или открытое отчуждение народа от политики, которая проводит подобный курс. Следовательно, реформы в нашей стране не должны посягать на культурный код России. Что это значит? Это значит, что при проведении модернизации страны надо искать ценностные основания в собственной духовно-культурной традиции.

Итак, модернизация предполагает мощное материальное развитие. Есть громкие голоса, которые говорят, что традиционная культура России не способна стимулировать усилия людей в этом направлении. Некоторые думают, что само по себе богатство и процесс его создания отвергаются Православием, как грех и недостойное занятие. Поэтому, якобы, с православной точки зрения не нужно никакого экономического развития. При этом делаются ссылки на аскетическую традицию Православия и его сосредоточенность на духовном мире.

Действительно, в культурном коде России есть мощная традиция утверждения приоритета духовных ценностей над материальными. Она характерна для всех традиционных религий России. В национальной культуре можно часто встретить прославление тех, кто ради духовной жизни или любви к Отечеству жертвовал своими земными благами. Удивительно, но факт: эта аскетическая традиция уживается, идя рука об руку, с другой мощной традицией – бережного и благодарного отношения к богатству, которое дает возможность

совершать добрые дела. Установление этих двух архетипов поведения восходят еще к началу XVI века, знаменитому спору между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. То, что впоследствии Православная Церковь канонизировала их обоих, говорит о том, что обе эти традиции соответствуют духу христианства.

Для обоих подходов общим является то, что они без презрения относятся к материальному миру, потому что он создан Богом, а значит, имеет ценность и может приносить пользу человеку. Здесь не нужно никаких доказательств, а достаточно открыть Библию на первых страницах, где написано, что после каждого акта творения материального мира Бог говорит: «Это хорошо». Более того, Бог вручает человеку мир и благословляет его возделывать этот мир. Поэтому человек, трудящийся и умножающий богатство, делает дело Божие. Таким образом, спор между преподобными Иосифом и Нилом касался вопроса о распоряжении богатством, а не о его ценности. Они и их сторонники дискутировали о том, что лучше: отказаться от имеющегося богатства или употреблять его для добрых дел? Как оказалось, реального конфликта в этом споре не было. Были лишь разные взгляды, сопоставление которых привело русское сознание к твердому убеждению в истинности и спасительности того и другого воззрения. Синтез этих двух подходов в отечественной богословской мысли и практике открыл широкие горизонты для созидания национального богатства и использования его во благо людей.

Правильное распоряжение богатством всегда считалось на Руси искусством и даром Божиим. В точном переводе с греческого языка слово «экономика» означает «домостроительство». Между прочим, именно так в православной традиции называются действия Бога в отношении тварного мира и спасения человека (экономия спасения). Таким образом, человек в заботах по обустройству своего дома и страны уподобляется Богу, заботящемуся о мире и человеке. В христианстве нет осуждения богатства, но есть осуждение привязанности к богатству. Христианство заботится о том, чтобы человек научился разумно распоряжаться материальными ресурсами, а не «чахнуть» над ним, как известный персонаж русских сказок. Они даются для созидания, а не для накопления ради накопления. В нашей отечественной традиции есть хорошие примеры размышлений на тему мудрого ведения хозяйства. Одним из памятников такой традиции является сборник «Домострой». Конечно, эта книга отражает особенности своей эпохи, и многое изменилось с тех пор, однако она остается ярким примером раздумий наших предков над вопросами правильной и эффективной организации домашнего хозяйства, главной ячейки национальной экономики. Подчеркну, что это было в эпоху, когда религиозное сознание являлось главнейшим параметром общественной жизни.

Что же значит правильное распоряжение богатством? Кто устанавливает правила? За время своей истории наш народ уже определил ее главные критерии.

Они основываются на глубоком понимании человеческой природы, созданной Богом. Человек – это не только материальное, но и духовное существо. В отличие от материальной сферы, духовные потребности человека безграничны. Если человек забывает о своем духовном свойстве и целиком погружается в материальный мир, то он экстраполирует на него свою духовную жажду и становится безудержным потребителем. Для такого человека и целого мира будет мало. В результате происходит перегрев социальной и экономической системы, которая уже не может угнаться за развитием материальных потребностей человека. Государство, которое стремится бороться с бедностью, постоянно попадает в ловушку невозможности решить эту проблему. Так, для одного поколения достатком является то, что для другого – черта бедности. Каждое поколение формирует свои представления о благополучии. По известной русской поговорке: «Кому-то есть нечего, а кому-то – жемчуг слишком мелкий». Поэтому любое правительство, обеспечив сегодня один уровень благополучия, завтра уже стоит перед необходимостью брать другую планку. Получается, что требования материального достатка растут быстрее, чем возможности экономической и социальной системы. В результате государство всегда рискует проиграть. Может быть, кто-то в ответ на эти рассуждения скажет: а что же в этом плохого? Каждое последующее поколение должно, мол, жить лучше. Не спорю, материальный прогресс, как результат человеческих усилий, может и должен приносить все большую отдачу. Но возникает серьезный вопрос об уровне потребления материальных благ, особенно перед лицом глобальных диспропорций между богатыми и бедными и все более истощающихся ресурсов планеты, которые просто не могут обеспечить бесконечное расширение материального потребления. Если все население земного шара будет жить так, как живут сегодня богатые люди, то земные ресурсы закончатся уже через 100 лет.

Другим негативным последствием исключительной материальной ориентированности человеческих потребностей становится пустое и нерациональное использование богатства. Народная мудрость называет такое явление мотовством. Заслуживает сожаления ситуация, когда человек, заработавший деньги или наследовавший их от родителей, тратит их на свои прихоти и пороки. А сегодня потребности и удовольствия, основанные на грехе и темных стремлениях человека, создаются в больших количествах. На это работает целая индустрия. Стыдно перед всем миром, когда богатые люди России на виду у всех тратят огромные деньги на сомнительные развлечения, в то время, как на их Родине люди получают мизерные зарплаты. Вспоминаю, как в 1990-е годы, когда только зашла речь о восстановлении Храма Христа Спасителя, на Русскую Церковь обрушились потоки критики: «Как вы смеее тратить огромные деньги на строительство храма, когда народ голодает?»

В ответ на этот вопрос следует сказать, что если в стране не будет храмов, школ, библиотек, современных учебных заведений, музеев, то люди будут

выкидывать деньги на свои прихоти, а не на реальные нужды страны. И поверьте, эти суммы будут во много раз превышать все затраты на развитие духовности и культуры.

Поэтому при формировании стратегии модернизации важно задать правильные ориентиры для трат приобретаемого богатства. В культурном коде России не существует колебания в ответе на вопрос, надо или не надо трудиться. Русская традиция однозначно отвечает: «Надо». Но русскому человеку постоянно приходится отвечать на вопрос: «Ради чего трудиться?» Конечно, прежде всего необходимо обеспечить себя и семью всем необходимым. Но если это сделано и даже сверх нормы, то что делать дальше с богатством? Для думающего человека это настоящий экзистенциальный вопрос. Он может отказаться от всего, понять, что счастье не в богатстве и уйти в монастырь. Но там он тоже будет трудиться, в том числе и физически. А может найти смысл в создании материальных богатств для того, чтобы направлять средства на строительство храмов, благоустройство общественной жизни, развитие науки, культуры, открытие школ и приютов. Важно, чтобы наш человек видел высший смысл своих трудов. В этом случае у него появляется практически неисчерпаемый запас энергии и предприимчивости. И хочу свидетельствовать, что в нашей стране есть такие люди, в том числе и среди богатых, которые делают все возможное, чтобы разделить свои ресурсы с другими и поддержать Церковь, систему образования, культуру, науку, спорт, социальную сферу и просто нуждающихся.

Всё, о чем я сейчас говорил, касается ценностей. Однако одни мировоззренческие идеи могут помогать созиданию благополучного общества, а другие идеи могут его разрушать и тормозить. Поэтому государство и общество должны быть заинтересованы в поддержании ценностей, способствующих общественному развитию. Но ценности социально-экономической деятельности не могут утвердиться в умах людей сами по себе, если общество и государство не будут тратить усилия на воспитание и поддержание подобных стандартов. Это значит, что нужно не боясь тратить национальные средства на поддержание духовной сферы страны. Но не просто содержать и открывать храмы, школы, университеты, музеи, театры, выставки, концертные залы и культурные центры, а повышать престиж культурной жизни и пропагандировать духовное развитие человека.

Вот почему так настойчивы требования, поддержанные большинством нашего народа, открыть возможность преподавания Основ православной культуры и культуры других традиционных религий в школе по выбору учащихся.

Другим немаловажным направлением по развитию качества жизни должно быть бережное отношение к окружающей среде. Обществу, как никогда, нужны зеленые города, чистые продукты питания, свежий воздух. Это невозможно без развития ресурсосберегающих технологий, поднятия престижа сельского

хозяйства. Нужно вкладывать деньги во всевозможные экологически чистые технологии и внедрение их в повседневную жизнь. Но не меньше усилий требуется сегодня для того, чтобы, сохраняя естественную среду обитания, совершенствовать рукотворную среду нашей жизни – инфраструктуру наших городов и населенных пунктов. Ведь большую часть времени современный человек проводит в дороге и общественных помещениях. Кроме того, многие сети жизнеобеспечения приходят в упадок и не выдерживают новых нагрузок. Их также требуется модернизировать.

Одновременно успешное социально-экономическое развитие России не возможно без политики, направленной на увеличение населения. Необходимо освоение необжитых территорий. Хватит смотреть на Сибирь только как на кладовую нашей Родины. Кладовка – это темная и неудобная часть дома. Сибирь и Дальний Восток должны становиться обжитым и одним из обустроенных пространств в нашем многонациональном доме.

Для достижения поставленных целей России необходимо проводить соответствующую внешнюю политику и соответствующий курс в международных экономических отношениях. Целью этого курса должно быть обеспечение реального суверенитета нашей страны, защита ее законных интересов, построение справедливых и эффективных торгово-экономических и политических отношений с партнерами. Последние конфликты в области энергоресурсов показывают, что другие страны оказывают давление на Россию с тем, чтобы она учитывала чужие интересы и забывала о своих. В отстаивании своих интересов Россия должна проявлять твердость и настойчивость. А если России кто-то задает вопросы о ценообразовании на ее рынке, в том числе о ценообразовании на энергоносители, то и ей тоже следует не стесняться задавать такие вопросы другим. Так велит поступать элементарный принцип справедливости: либо свободные рыночные механизмы формирования цен для всех, либо за всеми странами признаются права на целенаправленное воздействие государства в этой сфере.

Радует, что в последнее время в нашем обществе появились многие серьезные попытки осмыслить самобытность России через призму ее духовно-исторической традиции. К их числу можно отнести идеи суверенной демократии, реального суверенитета, русского проекта, переосмысление понятия империи. Однако как инициативы Собора, так и другие шаги по осмыслению специфики России, нередко наталкиваются на резкую критику и неприятие некоторых сил. Оппоненты такого подхода как в России, так и за рубежом упрекают его в том, что опять в России хотят изобрести велосипед, отгородиться от всего мира и обречь народ на новую автаркию. С таким мнением особенно явно пришлось столкнуться после прошлого Собора, предложившего свое видение прав человека. Однако наши переговоры и контакты с представителями других религиозных традиций и секулярного подхода свидетельствует о том, что

многие зарубежные общественные и политические силы готовы говорить о самобытности России и желают ее понять.

Более того, некоторые находят, что через свой духовный и исторический опыт мы формулируем идеи, которые являются приемлемыми для людей других традиций. Это убедительно показали собеседования, состоявшиеся в мае 2006 года с Католической Церковью в Вене, результаты Всемирного саммита религиозных лидеров, прошедшего в июле в Москве, а также две конференции, в Нижнем Новгороде и Страсбурге, по линии Совета Европы. Для того, чтобы слова не расходились с делом, при Всемирном Русском Народном Соборе был создан правозащитный центр. Поэтому нам сегодня есть что ответить нашим оппонентам. Осознание и реализация своей национальной специфики могут вести к углублению связей с внешним миром, а не к ненависти и закрытости. Наоборот, мы должны приветствовать и консолидировать людей разных взглядов, размышляющих о специфике России. Важно, чтобы эта дискуссия продолжалась.

В заключение хотел бы подвести итог вышесказанному. Действительно, модернизация страны имеет внешние атрибуты, одинаковые для всех народов: это хорошие дороги, аэропорты, средства транспорта, благосостояние граждан, высокий уровень науки и образования. Однако духовные и идейные источники этих изменений могут быть у каждой страны свои. Модернизация России станет возможной только в том случае, если мы будем искать вдохновения в собственной традиции, соединяя современность с историческим опытом нашего народа. Это потребует напряжения интеллектуальных сил, материальных ресурсов, а также умения защищать свою позицию перед всем миром. Не должна такая великая страна, как Россия, стыдиться своего национального лица.

На мой взгляд, Россия сегодня должна избрать модель развития, основанную на синтезе научно-технического прогресса и модернизации, не наносящих ущерба Божьему творению, любви и верности нашего народа своей духовно-культурной традиции. В центре этой традиции, как главая опора, – духовность, культура и язык русского народа в творческом взаимодействии с духовно-культурными традициями других народов России. Не станет ли этот синтез контуром той национальной идеи, которую уже на протяжении многих лет мы стремимся сформулировать для себя? Убежден, что в недрах Всемирного Русского Народного Собора, являющегося уникальным местом для широкой и свободной общенациональной дискуссии, будет рождаться национальная идея, выражающая систему ценностей, объединяющих весь народ. Именно на этой идее должно основываться стратегическое видение будущего России.

Российская цивилизация как союз народов

Александр Борисович Рудаков,

руководитель Экспертного центра ВРНС

Владимир Викторович Тимаков,

заместитель руководителя Экспертного центра ВРНС

Как человек не может достичь успехов, если действует в одиночку, так и народ не способен занять достойного места на мировой арене, если не имеет союзников. Наиболее надежными союзниками являются народы той же самой цивилизации, родственные по вере, языку, письменности, историческому пути или культурным ценностям. Русскому народу необходимо создать прочный союз родственных и близких народов, чтобы мы могли вместе бороться за свое будущее.

Правда, нередко возможность таких родственных союзов подвергается сомнению. Скептики указывают, что на протяжении своей истории Россия не раз пыталась исполнять родственную миссию то в отношении православных единоверцев (забота о Восточных Патриархатах Царьграда, Александрии, Иерусалима и Антиохии), то в отношении славянских братьев (Болгария, Югославия, Чехословакия и т. д.). Однако эта миссия не увенчалась успехом: Греческие Патриархии не раз активно оппонировали Русской Православной Церкви в вопросе о церковном лидерстве, а освобожденные русскими братья-болгары оказались во враждебном блоке в обеих мировых войнах. Поляки и чехи неизменно «предпочитали быть задним двором Европы, нежели парадным крыльцом России» (выражение В.В. Кожина), а начало XXI века омрачилось ростом напряжения в отношениях с ближайшей родней – украинцами.

Да, народы, живущие по соседству, постоянно искушаемы пограничными спорами, а мировоззренческое сходство порождает соревнование за первенство в истине. Поэтому в дипломатии считается прагматичной «дружба через соседа», и в политических расчетах фактор цивилизационного родства часто уступает первенство другим, более злободневным соображениям. И все-таки мы подчеркиваем, что в строительстве международных отношений приоритет надо уделять народам и странам собственной цивилизации. Почему? Потому что национальные интересы не исчерпываются геополитикой и не сводимы к голым политическим расчетам.

На самом первичном, базовом уровне национальный интерес связан с сохранением собственного народа, с продлением его физического, генетического существования. Совершенно очевидно, что представители родственного

цивилизационного круга испытывают наименьшие препятствия к вступлению в браки с русскими, а потомки таких смешанных браков имеют наибольшие шансы влиться в состав русского народа. Более того, представителю родственного народа, перебравшемуся в глубину России, ничего не стоит и самому почувствовать себя русским – что, конечно, гораздо труднее для японца, американца или зулуса.

Во-вторых, не менее важно для русского будущего сохранение этнокультурного баланса в нашей стране. Переселение народов близкого культурного типа не порождает конфликтов в обществе, в то время как появление критической массы носителей чуждой культуры чревато разломом и крахом устойчивого социума. Бесспорна высокая степень взаимной уживчивости русских с другими славянами, народами угро-финской группы или татарами. Но даже возникающие трения с мигрантами, прибывшими из Средней Азии или с Кавказа, не идут ни в какое сравнение с тем культурным антагонизмом, который вызывают в Европе или Америке выходцы из Африки и Арабского мира, представители заведомо чужих цивилизаций.

В-третьих, только народы близкого цивилизационного круга могут принять активное участие в сохранении и приумножении русских культурных ценностей. Только те, кто владеет русским языком или те, кто в состоянии его легко освоить благодаря давнему знакомству, могут стать как творцами русских книг, песен, кинофильмов, так и их наиболее благодарной аудиторией.

В-четвертых (по счету, но не по важности), духовные ценности русского народа также могут быть восприняты или поддержаны прежде всего близкими народами, либо исповедующими Православное Христианство, либо с легкостью его воспринимающими, либо, по меньшей мере, достаточно лояльно к нему относящимися.

Все эти бонусы, возникающие от сотрудничества с цивилизационно близкими народами, не столь заметно влияют на успех сиюминутной государственной политики, но исключительно важны для успешного национального бытия, для продолжения народа в вечности, для его признания человечеством. Все это, в конечной степени, способствует процветанию созданного народом государства.

Правда, и в злободневных политических вопросах чрезвычайно важно учитывать цивилизационную близость. Ведь возникающие нередко братские ссоры носят преимущественно «семейный характер», и, как правило, отступают на второй план при столкновении «семьи» с серьезной внешней угрозой. Так, уже упомянутые выше болгары, хотя и оказывались в обеих мировых войнах членом враждебного России блока, но ни в одной из этих войн не вели против русских реальных боевых действий. Германцы просто не могли на них положиться: даже по приказу командования болгарские солдаты не чувствовали ненависти к русским, без которой невозможно взаимное истребление. Добавим,

что в 1914–1917 годах количество славян-перебежчиков из австро-венгерской армии на русскую сторону многократно превышало число перебежчиков из среды мадьяр или австрийцев.

Во Второй мировой войне попытки германского командования формировать национальные антисоветские части были успешны только среди цивилизационно чуждых России народов (прежде всего в Прибалтике и на Западной Украине), но потерпели фиаско среди восточных славян, финно-угров и поволжских тюрков. Формально сколоченные соединения из народов Российской цивилизации оказались недееспособными. У них не было достаточно сильной мотивации идти на смерть против своих ради рейха. Хотя в совсем недавней (по историческим меркам) гражданской войне, в России было предостаточно желающих воевать против своих. Но в гражданской войне они рисковали жизнью не ради победы чужой цивилизации, а ради переустройства цивилизации собственной.

Инстинкт цивилизационного родства в огромной степени влияет на международную политику. Так, православная Греция в Евросоюзе третируется как *enfant terrible*, а Турцию в Объединенную Европу и вовсе не принимают, несмотря на долгий стаж этой страны в НАТО.

Наконец, цивилизационное родство проявляется в общих закономерностях социального развития, что необходимо учитывать при стратегическом планировании. Например, Китай и Вьетнам, несмотря на вековые конфликтные отношения и взаимную ревность, избрали очень похожие общественные модели и следуют по близким экономическим траекториям. После распада СССР Белоруссия, Россия и Казахстан независимо друг от друга эволюционировали к очень сходному типу политического управления, который европейцы считают авторитарным, а наши народы – более демократичным, нежели манипуляционный парламентаризм девяностых годов. Естественно, что между странами со схожими моделями внутреннего устройства может быть достигнут и более высокий уровень взаимопонимания в международных делах. Взаимный обмен опытом между своими также более полезен, чем заимствование чужих, неадаптированных методов социального строительства.

Вот почему мы настаиваем на том, что приоритетом для русского народа и русского государства должны стать отношения с народами нашей цивилизации, целенаправленное строительство этого «семейного круга», укрепление его ценностной солидарности, экономического и дипломатического единства.

Для этого необходимо определить ареал Российской цивилизации, то есть пространство, населенное народами, более близкими или родственными нам, чем иным цивилизационным центрам.

Ядром нашего культурно-исторического пространства выступает сама Россия, страна-цивилизация, со всеми проживающими на ее территории народами. Выступая в разных ипостасях (этнической, духовной, культурной и т. д.),

Россия формирует несколько полей притяжения, несколько миров, из которых складывается ее цивилизационный ареал. Это Русский мир, Славянский мир, Православный мир, Евразийский мир. Каждый из обозначенных миров связан с Россией своим особым типом связей.

Русский мир – это, прежде всего, то пространство, где проживают русские и где пользуются русским языком. Кроме собственно России, сюда входят Белоруссия, Приднестровье, значительные части Украины, Казахстана и Киргизии, где русский язык попросту доминирует в социальном общении и русская культура выступает главным источником культурной жизни. Ко второму кругу Русского мира можно отнести Молдавию, Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику, где русское население, русский язык и культура не преобладают, но оказывают важное влияние на общественную жизнь. Наконец, третьим кругом Русского мира, представленным в очаговой форме, можно назвать русское рассеяние в дальнем Зарубежье.

Славянский мир – гораздо более аморфное образование, разные части которого исторически находились не только под влиянием России или нашего цивилизационного предшественника – Византии, но и под сильным влиянием иных цивилизаций, в частности, западноевропейской и ближневосточной. Часто языковое родство славян оказывается менее значимым, нежели религиозные и культурные различия между ними, что ярко проявилось в трагической судьбе расколовшейся Югославии. Между тем, основоположник цивилизационного мышления Н.Я. Данилевский придавал славянству приоритетное значение в формировании нашей цивилизации. Он считал, что именно славянские народные начала определяют в будущем ее неповторимый облик; что именно славянская солидарность породит европейскую альтернативу западному, романо-германскому культурно-историческому типу. Не исключено, что события примут такой оборот, если в состоянии глубокого кризиса окажется влияющее на славян западноевропейское цивилизационное ядро.

В Славянском мире наиболее близки нам белорусы и восточные украинцы, этнические различия с которыми минимальны, а также традиционно дружественные сербы. Ко второму кругу Славянского мира можно отнести болгар, македонцев, черногорцев, словаков и чехов. К третьему, наиболее удаленному от русского народа, – поляков, хорватов, словенцев, босняков и западных украинцев, отношения с которыми омрачены военными или культурными конфликтами. На сегодня народы третьего круга принадлежат Западу или находятся в поле его доминирующего притяжения, но в перспективе славянский фактор не исключает их сближения с Российской цивилизацией.

В Православном мире особенно близки к русским верующие, окормляемые Русской Православной Церковью. Это жители Российской Федерации (чуваши, осетины, мордвины, якуты и т. д.), Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, других постсоветских республик. Вторым (по степени связи с нами) кругом

Православного мира выступают те Православные Церкви, прихожане которых составляют большинство верующих в своих государствах: Болгарская, Сербская, Грузинская, Румынская, Элладская, Кипрская. Третий уровень связи с нашей цивилизацией обеспечивают Православные Церкви, представляющие религиозное меньшинство (Польская, Чешских земель и Словакии, Албанская, Константинопольская, Антиохийская, Александрийская, Иерусалимская, Американская), а также общины близких к Православию восточно-христианских конфессий (армяне, копты, эфиопы и т. д.). С религиозной точки зрения, армяне, как последователи особой ветви христианства, находятся на периферии Православного мира, но в силу исторических обстоятельств выступают одним из стратегически важных партнеров русского народа.

Наконец, отдельной сферой цивилизационной близости выступает Евразийский мир – мир, в котором родство народов возникло по принципу соседства, в результате долгого совместного проживания в схожих географических условиях при тесных исторических контактах. Надо подчеркнуть, что под Евразией в данном случае мы понимаем не весь материк от Дублина до Бангкока, ведь на этом гигантском пространстве проживает большая часть человечества, чрезвычайно разнообразная по своим культурным и социальным параметрам. Также Евразия для нас – не переходный пояс, не пограничье, не транзитная зона между Европой и Азией, где проживают культурные гибриды Востока и Запада.

Нет, с точки зрения цивилизационной цельности – это самодостаточный субматерик, во многом совпадающий с «Хартлендом» Маккиндера, отличающийся своей удаленностью от теплых океанических вод и суровым континентальным климатом. Проживающие здесь народы выработали особые черты характера и социальные навыки, позволяющие выживать и вести хозяйство в сложных природных условиях, не способствующих легкому обогащению.

Сердцевинную часть Евразийского мира вместе с русскими образуют татары, башкиры, казахи (потомки строителей первых евразийских империй: Дешт-и-Кыпчак, Золотой орды), а также угро-финские народы, народы Северного Кавказа и Российского Севера. Второй круг формируют те обитатели евразийского субконтинента, кто длительное время жил вместе с нами в одном государстве или находился под его сильным влиянием: народы Средней Азии, Закавказья, Монголии. Третьим кругом, Евразийской периферией можно считать те сообщества, которые, хотя и связаны с «Хартлендом» географически и исторически, ощущают близкое дыхание соседних геополитических зон: белорусы и украинцы, балты и финны на европейской кромке; турки, курды, сирийцы, афганцы и иранцы – на ближне- и средневосточной; тибетцы, маньчжуры, уйгуры, дунгане – на дальневосточной.

Нетрудно заметить, что среди четырех полей, сочетание которых формирует Российскую цивилизацию – Русский, Славянский, Православный и Евразийский

миры, – только Русский мир строго моноцентричен и этот центр бесспорно находится в России. (Хотя в прошлом и Русский мир имел несколько конкурирующих центров притяжения – например, Киев и Владимир, или Москва и Новгород.) В Славянском мире вторым центром притяжения долгое время выступала Польша, которая и сегодня, несмотря на очевидный провал своей миссии, сохраняет подчеркнутое противопоставление с Россией. В Православном мире место второго по значению и первого по старшинству центра занимает Греция. В Евразийском мире на интегрирующую роль может претендовать Турция, опираясь при этом не столько на историко-географические, сколько на этнические основания пантюркизма. Очевидно, что Польша и Турция не входят в состав Российской цивилизации, поскольку первая принадлежит Западу, а вторая Ближнему Востоку, то есть культурные и духовные связи в обоих случаях перевешивают принципы «крови и почвы». Эти страны, находящиеся на нашем цивилизационном пограничье, могут рассматриваться, скорее, как источники внешнего воздействия, но в перспективе, в случае усиления России и одновременного кризиса западного и ближневосточного центров, Польша и Турция могут сменить свое амплу и выступить в качестве цивилизационных союзников.

Формально принадлежит Западу и Греция, вошедшая в ЕС и НАТО, однако ее положение там явно неполноправное. Духовная близость Греции и России определяет сходство социальных процессов в обеих странах (например, в XX веке большой вес и там, и тут приобрели коммунистические движения). Греция, как осколок древней византийской цивилизации, является нашим очевидным культурно-историческим родственником, и скорее потенциальным проводником русского влияния на Западе, нежели западного влияния в России.

Таковы размытые, служащие полем соприкосновения с иными стихиями, перемещающиеся под воздействием внешних и внутренних сил границы нашего социального ареала, нашей человеческой общности, формирующейся по родовому, соседскому, культурному и религиозному принципу. Это та семья народов, в которой русские чувствуют себя дома. Это то поле международной деятельности, труд на котором должен принести русскому народу наиболее обильные плоды. Это Российская цивилизация и пространство ее влияния.

И если кому-то больше нравится деление мира согласно координатам компаса, если мы привыкли называть романо-германский мир Западом, арабский мир – Ближним Востоком, китайский – Дальним Востоком, то наша цивилизация – это цивилизация Севера, это северное братство народов Земли.

Повторим, что работа по укреплению связей с народами нашей цивилизации должна стать приоритетом в дипломатической, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Необходимо, чтобы в российском МИДе действовали четыре ключевых отдела вышеупомянутой специализации. И если Россотрудничество курирует отношения с Русским миром, требуется такая же целенаправленная работа на славянском, православном и евразийском

направлениях. Опыт такой деятельности уже есть у ключевой страны ближневосточной цивилизации – Египта, который выделил для своей дипломатии три главных направления: арабское, исламское и африканское. Заметим, что в результате пересечения этих полей как раз и складывается ядро ближневосточной цивилизации.

Мы тоже обязаны находить друзей и союзников, прежде всего – среди своих близких, своих давних соседей, среди своей кровной или духовной родни.

Правда, здесь существует и проблема – нередко внутри одной цивилизации вспыхивает острая конкурентная борьба между родственными нациями. Мы хорошо помним, что в XVII–XIX веках соперничество между Англией и Францией стало чуть ли не определяющим пунктом мировой политики. К началу XX века такой же роковой узел противоречий завязался между англосаксонскими державами и Германией. Впрочем, в этом нет ничего противоестественного. Всякий, кто рос в многодетной семье или растил собственных детей, может засвидетельствовать, что драки между братьями происходят гораздо чаще, чем их драки со сверстниками во дворе. Это эффект тесноты, чрезмерной близости, это конкуренция за одну и ту же жизненную нишу. Но в очень редких случаях перманентные братские ссоры перерастают в непримиримую вражду. Роль этих ссор вторична по сравнению с постоянным сотрудничеством братьев, и подобные ссоры обычно тут же откладываются при столкновении с сильным внешним противником.

То же самое наблюдается и в международных отношениях. Известно, что в свое время сельджуки и арабы отложили взаимные претензии ради войны с крестоносцами; вечные соперницы Англия и Франция объединились в Крымской войне против России и в опиумных войнах против Китая; а в XX веке германцы и англосаксы, сразу после смертельной схватки 1939–1945 годов, создали НАТО ради противостояния СССР.

В то же время в мировой истории есть и другие, печальные примеры, когда противоречия между народами-братьями приводили ту или иную цивилизацию к краху, подобно тому, как братская рознь могла погубить некогда дружную и крепкую семью. Так, неприязнь тласкаланцев и ацтеков привела к падению Теночтитлана и гибели мезоамериканской цивилизации под натиском западных колонизаторов. Показательный факт: армия, осадившая Теночтитлан – главный центр средневековой Мезоамерики, – на 99 % состояла из аборигенов! Фактически испанские конкистадоры, очаровавшие индейцев своим цивилизационным шармом, играли лишь роль штабистов и инструкторов в развязанной ими братоубийственной войне между коренными мексиканцами. Кончилось это «пришествие белых богов» не только падением столицы ацтеков Теночтитлана, но также тем, что и тласкаланцы, и миштеки, и сапотечи, и тараски, и майя утратили свою развивающуюся государственность и свою

весьма высокую культуру, на долгие века превратившись в нищих поденщиков на плантациях колонизаторов.

Такой же негативный пример цивилизационной дезориентации, когда борьба между братьями не была отложена ради отпора внешним агрессорам, можно найти в прошлом Восточно-христианского мира. Многие историки не без основания считают, что великая православная Византия на рубеже первого и второго тысячелетий истощила себя в войнах с православной Болгарией – одним из сильнейших, если не самым сильным славянским государством того времени. Ослабленный братоубийственными сварами, Константинополь пал под натиском чужой, западной цивилизации в 1204 году. Болгарии в качестве приза перепали некоторые обломки Византийской империи – болгары до сих пор гордятся царством Ивана Асена Второго, «Болгарией на три моря» – хотя царство это было недолгим, и в не столь отдаленной исторической перспективе рассорившиеся православные Балканы оказались в иноземном рабстве.

Для современного Русского мира такую же роковую роль может сыграть русско-украинское соперничество, поэтому вопрос русско-украинских отношений занимает центральное место в строительстве нашего будущего. Здесь впору говорить не просто о конкуренции между братьями, но о конкуренции между братьями-близнецами, поскольку разделение двух народов из единого корня происходит буквально на наших глазах, занимая всего несколько поколений (ведь еще полтора века назад мы, несмотря на наметившиеся культурные отличия, сохраняли даже общее самоназвание).

Мы не можем и не должны ставить своей целью полное поглощение украинцев русскими, как мечтали полтора века назад российские государственники. Нам необходим союз, который будет уважать бытие обоих народов и станет для них реально взаимовыгодным.

Несмотря на драматические колебания и болезненные обострения русско-украинских отношений, мы с оптимизмом смотрим на их будущее. Конфликты между братьями, да еще между братьями, вынужденными некоторое время делить одну государственную «комнату», – неизбежность, но неизбежность не фатальная, преодолимая. Ярчайшим примером является судьба двух современных народов, так же буквально за несколько поколений возникших из одного: американцев и англичан. Стоит напомнить, что эти два народа, связанные друг с другом столь же тесно, как русские и украинцы, за первые полвека после разделения вели друг с другом две кровопролитные войны. Кроме всем известной войны за Независимость 1783–1787 годов, была еще война 1812–1814 годов, когда США, поддержав Наполеона, попытались отторгнуть у Британской империи Канаду, а англичане в отместку своим единокровным братьям спалили Капитолий и Белый дом. Даже почти столетие спустя вражда еще не полностью затихла, и во время Гражданской войны между Севером и Югом англичане активно финансировали сепаратизм южных штатов, чтобы

ослабить своего близнеца-конкурента. Однако, когда наступило время серьезных глобальных испытаний и у англосаксов появился опасный внешний противник (вначале цивилизационно близкая Германия, а затем и вовсе цивилизационно чуждый СССР), США и Британия выступили единым фронтом. К концу XX века между двумя англосаксонскими державами достигнуто почти абсолютное взаимопонимание по важнейшим геостратегическим вопросам, и их союз превратился в наиболее влиятельную силу на мировой арене.

Нам необходимо сделать так, чтобы историю взаимоотношений США и Великобритании, равно как Византии и Болгарии, постоянно держал в уме каждый российский и каждый украинский политик. Либо мы, уподобившись Византии и Болгарии, конкурируем друг с другом до полного взаимного истощения, и тогда наша цивилизация погибнет, а наши народы превратятся в этническое удобрение для других народов. Либо мы, подобно США и Великобритании, стремимся к взаимному братскому союзу, и тогда мы имеем все шансы превратиться в одну из влиятельнейших мировых сил, вполне способную конкурировать и с англосаксами, и с китайцами.

Украинское направление должно надолго занять место номер один в российской внешней политике. Но при этом необходимо от хаотичных спринтерских рывков перейти к марафонскому стилю, бережно расходуя силы и выстраивая долгосрочную продуманную стратегию. Прежде всего, необходимо понять, что борьба за Украину – это не борьба против упрямого украинского национализма, а борьба с влиянием западной цивилизации. Борьба с украинским национализмом означает реализацию «болгаро-византийского сценария», при котором усилия братских народов будут растрчены на взаимное истощение. Борьба с западным влиянием превратит украинский национализм из нашего противника в нашего союзника, что и будет означать коренной перелом на «украинском фронте». Не русско-украинское противостояние, а совместная конкуренция русских и украинцев с Западом – вот стратегический ключ к решению украинского вопроса. (Конечно, говоря об украинском национальном самосознании как о потенциальном партнере самосознания русского, мы не подразумеваем эксцессы вестернизированных неонацистов. Речь идет о естественном массовом национализме, который доминирует в центральных регионах страны и на который опираются «оранжевые партии».)

В отличие от сербско-хорватского и даже англо-американского случаев, отношения между Россией и Украиной имеют серьезное преимущество. У нас есть общая Церковь, обладающая значительным примиряющим и объединяющим потенциалом. Не случайно те, кто стремится навеки рассорить русских и украинцев, с таким упорством борются против Православной Церкви. Они понимают, что пока жива единая Церковь, любые разрывы между двумя братскими народами будут рано или поздно преодолены. Мы подчеркиваем, что Церковь ни в коем случае не может быть на одной стороне конфликта в случае

братских ссор. Она, как мать, должна стоять на разделительной линии, сдерживать и жалеть обоих сыновей, перевязывать раны обоим.

Проблема, связанная с экспансией западной цивилизации, с ее попытками поглотить часть Православного мира, существует и в Белоруссии. И хотя в Белоруссии конфликт приобретает менее острый характер в силу более консервативной белорусской ментальности, единоробство цивилизаций неизбежно и в этой стране. Наш долг – поддерживать силы белорусского традиционализма, ориентированные на Православную веру и русскую культуру, укреплять экономическую и духовную интеграцию России и Белоруссии.

Русские не должны воспринимать украинский и белорусский языки как сепаратистскую тенденцию, а украинцы и белорусы не должны считать русский язык ассимиляционной угрозой, но все вместе мы обязаны воспринимать наше языковое разнообразие как общее культурное богатство Славянского мира.

Хотя в отечественной внешней политике традиционным методом укрепления союзных отношений является предоставление разнообразных экономических льгот и преференций, этот путь нельзя признать достаточно эффективным. Во-первых, подобные льготы предоставляются за счет самой России, снижая наш собственный экономический потенциал и, соответственно, привлекательность в глазах соседей. Во-вторых, помощь такого рода остается мало заметной для народа и не оказывает почти никакого воздействия на настроения национальной интеллигенции. Необходимо перенести тяжесть работы на реализацию взаимовыгодных совместных проектов в бизнесе (что позволит укрепить отношения с хозяйственной элитой) и совместных гуманитарных проектов (что повысит степень взаимопонимания с интеллигенцией).

В России должно быть узаконено свободное, беспрепятственное получение гражданства выходцами из Украины и Белоруссии. Мы должны приветствовать иммиграцию их жителей в нашу страну. Нужно культивировать у всех белорусов и украинцев отношение к России как ко второй Родине в настоящем и как к общей Родине в прошлом. Требуется популяризация общих национальных героев (Афанасий Брестский, Хмельницкий, Гоголь, Солоневич, Макаренко, Еременко, Гастелло, Деревянко, Ковпак и т. д.). В дальнем Зарубежье наши дипломатические службы обязаны поддерживать граждан Украины и Белоруссии наряду с нашими согражданами.

Аналогичные меры могут распространяться и на близкие нам страны Евразийского мира, с учетом того, что там придется конкурировать не с западной, а с ближневосточной, а в перспективе и с китайской цивилизацией. И если физическое притяжение России для стран Средней Азии и Закавказья очевидно перевешивает притяжение Ближнего Востока и не требует стимулирования миграции, то на этом направлении особую остроту приобретает проблема духовного притяжения, распространение русского языка и русской культуры там, и приобщение к русским ценностям здесь. Эту работу могут взять на себя

Русские культурные центры, открытые как в нашей стране, так и за рубежом, – в первую очередь в странах Закавказья и Средней Азии.

Всякий раз, когда Россия переживает системный кризис, притяжение формирующего цивилизационного ядра ослабевает и народы нашей цивилизации попадают в гравитационное поле соседних культур и держав. Восстановление российского могущества должно совпадать с восстановлением Российской цивилизации, с восстановлением цивилизационной идентичности стран, попавших под чужое влияние.

Нельзя забывать, что лучшая форма обороны – наступление, и для этой цели пригодны самые разные инструменты цивилизационного влияния, из которых самый естественный и неотразимый – это культура. Принципиальное значение имеет распространение культуры, созданной на кириллице. Кириллица – универсальный графический код нашей цивилизации, ее важнейший маркер и пограничный знак. Ее преимущество – наличие более широкого спектра знаков, чем у латиницы, что позволяет точнее передавать фонетику не только евразийских, но и многих европейских народов (германцев, балтов и славян). Используя этот козырь, надо содействовать распространению кириллицы за пределы ее традиционного ареала. (Оригинальным примером такого «контрудара» против засилья английских стандартов могло бы стать создание «инглицы» – перевод на более удобный кириллический шрифт английского языка. Запись на «инглице» может стать более приемлемой для незападных народов, использующих английский язык, – такой переход станет символом освобождения от колониального наследия.)

Необходимо поддерживать распространение русского языка как ведущего языка нашей цивилизации, главного носителя ее культурного наследия. Нам необходима проповедь Православного Христианства прежде всего среди народов с христианской традицией (выбор Православия среди прочих христианских конфессий является одним из ключевых признаков цивилизационной идентичности, отличной от Запада). Среди народов, входящих в Евразийский мир, евразийское поле нашей цивилизации и исповедующих ислам, необходимо противодействовать распространению радикальных ваххабитских течений (которые сегодня стали орудием экспансии ближневосточной цивилизации).

Также требуется создание общих для всех народов Российской цивилизации культурных программ. Прообразом таких форм сотрудничества можно назвать кинофестиваль Славянского мира «Золотой Витязь» и песенный фестиваль «Славянский базар». Нашей цивилизации необходима единая глобальная киностудия, соединяющая наши творческие усилия и распространяющая в мировом масштабе нашу кинопродукцию. Объединительную роль способны сыграть совместные проекты в СМИ, литературе, искусстве, общие научные программы (среди которых чрезвычайно важны коллективные исторические и гуманитарные исследования). Так как среди всех стран Российской цивилизации Россия

добилась наибольших успехов в науке и технике, она естественным образом будет претендовать на место научно-образовательного и научно-исследовательского центра, где будет сосредоточена подготовка студентов и молодежи – будущих национальных элит, нацеленных на цивилизационное единство.

Своего рода стержнем цивилизационной общности выступает русское присутствие на обозначенном ареале. Поэтому на всем пространстве Российской цивилизации требуется поддержка русских общин, русских церквей, строительство русских культурных, образовательных и технологических центров, а также – государственные и общественные гарантии русского экономического влияния, в частности, приобретения недвижимости и инвестиций в местный бизнес. Особо важное место в работе с диаспорой должно занять создание русских школ, открытых не только для русских, но для всех приверженцев нашей цивилизации, что позволит новым поколениям сохранять и укреплять свою культурную идентичность даже в дальнем Зарубежье.

Россия и Запад: новые реалии, новое прочтение (часть 2)

Валерий Николаевич Расторгуев,

*профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
зам. председателя Научного совета РАН по изучению и охране
культурного и природного наследия, председатель Научного совета
Экспертного центра ВРНС, доктор философских наук*

Три вопроса о политических прогнозах

Зададим себе три вопроса. Первый: какую роль сыграли такие предсказания и ожидания в истории Европы? Второй: насколько они были оправданны? И третий: насколько они конструктивны в наши дни, когда Европа стала относительно единой (относительно Европы до- и послевоенной), а демократизирующаяся Россия, потерявшая значительную часть исконных территорий, только в наши дни с огромным трудом и риском преодолела инерцию окончательного распада?

На первый вопрос мы уже ответили: народы объединяют общие угрозы, играющие созидательную, консолидирующую роль. Перефразируя Дидро, можно сказать: если бы общих угроз для европейцев не существовало, их надо было бы придумать. Собственно, преимущественно этим и занимались многие политики и интеллектуалы в течение ушедшего столетия.

На второй вопрос – об обоснованности страхов – ответ также лежит на поверхности. Многие из них были вполне адекватны политическим реалиям в течение долгого времени. Европа в Новое время «радикализировалась» ускоренными темпами, а Российская империя действительно пугала тех радикалов либерального и марксистского толка, которые видели в ней главное препятствие на пути к социальному прогрессу. Причем набор моделей и сценариев прогресса был чрезвычайно узок. Если для либералов-радикалов Европа должна была стать анти-Европой, то есть «экспериментальной площадкой», предварительно «зачищенной» от традиционализма, династических институтов передачи власти, а также всех национальных и конфессиональных особенностей, замедлявших час окончательного торжества третьего сословия, то для марксистского проекта этот этап был всего лишь паллиативом. Окончательным решением должна была стать воистину анти-Европа – огромная строительная площадка, открытая на пространстве уходящей в небытие христианской Европы и призванная взорвать основы планетарного социального мироустройства, в том числе частную собственность и социальную иерархию: «кто был ничем, тот станет всем».

Единственной силой, сковывавшей совместные усилия антагонистов-союзников (либералов и коммунистов), оставалась Россия, нелюбовь к которой с их стороны была идеологически оправдана и неизбежна. Здесь кроются, кстати, и корни трудно объяснимой на первый взгляд русофобии, которая отличает сознание доморожденных российских реформаторов и демократизаторов разных временных и идеологических популяций, в том числе «европоцентристов». Не менее, а может быть, и более зловещим стал образ России для европейцев после падения самодержавия. Тогда Россия отказалась от собственного цивилизационного «я», пройденного исторического пути («проклятое прошлое») и даже своего имени, взяв на себя именно ту роль, которую радикалы прочили обновленной Европе, если бы она полностью встала на путь «прогресса». Таким образом, Россия была превращена в анти-Европу в полном смысле этого слова – Европу «обезбоженную», технократически отомобилизованную и милитаризованную, насквозь индоктринированную и идеологизированную.

В этой ситуации европейцам ничего не оставалось, кроме объяснимого стремления любой ценой объединиться против «красной России» с учетом той угрозы, которую несет усиление милитаризирующейся Германии и нового геополитического игрока – США, не желающих упустить свой шанс вырвать преференции за счет распыленного (после Первой мировой войны) европейского потенциала. Поэтому Куденхове-Калерги, самый яркий и последовательный провозвестник евроединства, пишет: «Есть только один узкий путь в лучшее будущее между Сциллой русской военной диктатуры и Харибдой американской финансовой диктатуры. Он называется пан-Европа и означает – помочь себе самим, объединив Европу в политико-экономический союз» [1 (10)].

Отвечая на третий вопрос, следует произнести сакраментальное: времена меняются вместе с Европой и Россией. Европа все меньше походит ныне на мозаику изолированных друг от друга миров, но все больше – на сверхдержаву по своему военному и экономическому потенциалу. А Россия на глазах становится открытым обществом с явно выраженным стремлением восстановить основы христианской культуры и, кстати, тратит на военные расходы значительно меньшие средства, чем Единая Европа, не говоря уже о США. При этом именно Европа под напором США концентрирует стратегические военные объекты на границах России, втягивая ее в гонку вооружений и принуждая ставить под прицел земли братских славянских народов, за независимость которых не раз проливали кровь русские солдаты...

Можно вспомнить и о том, что кроме придуманных, хотя в ряде случаев и оправданных страхов, существуют и множатся все новые и совершенно реальные угрозы. Среди них ресурсный голод, водный голод [2 (11)] и «просто голод» – пищевой, не признающий границ в глобализованном и унифицированном пространстве, а также другие глобальные проблемы, которые не будут

ждать, когда мировое сообщество научится устранять причины, порождающие глобальные экономические и политические болезни. Одна из них – лавинообразное исчезновение с карты мира не только большей части языков, культур и малочисленных народностей, но и великих народов, в том числе европейских. Им также угрожает культурная и конфессиональная ассимиляция в «постглобальном» и «постхристианском» европейском (постевропейском?) пространстве.

Самообразы Европы

Не существует и не может существовать ни единого для всех и во все времена самообраза Европы, ни единой и завершенной истории европейского развития, ни самой монополии на право обладания «единственно верным» образом и историей. Но сосуществует множество различных, а иногда и конкурирующих представлений, которые легко разделить на два типа. Первый – это *образы европейского прошлого и настоящего*, закрепленные в языках и национальных культурах посредством написанных кем-то историй-рассказов, а вторые – *проекты европейского и, соответственно, мирового будущего*, т. е. его концептуальные прообразы, положенные в основу долгосрочных политических, социально-экономических и культурных стратегий европейского развития.

Трудность заключается не в том, чтобы создать адекватную типологию самообразов Европы. Эта задача представляется вполне выполнимой, хотя и чрезвычайно ответственной, в том случае, если классификационная схема войдет в политические доктрины или отразится на определении стратегий (выражение «разделяй и властвуй» относится не только к типу правления, но и к классификациям, которых придерживаются политики). Подлинная проблема скрыта в том, чтобы в процессе политического строительства не забыть о тонкой грани, отделяющей традиционные образы от прообразов-проектов и, соответственно, культурную самоидентификацию народов от политических стратегий (императивов). А проводить это различие необходимо как минимум по трем причинам.

Во-первых, традиционные самообразы Европы – это не только часть ее многоликого культурного наследия, но и само право народов на сбережение самобытности в унифицированном пространстве глобализирующегося мира. Обеспечение этого права – гарант сохранения цивилизационного и внутрицивилизационного многообразия, т. е. исторически сложившегося этнокультурного многообразия территорий, разрушение которого далеко не случайно почти полностью коррелирует с динамикой исчезновения регионального биологического многообразия – важнейшей основы устойчивого развития.

Во-вторых, именно политические проекты, соединяющие императивные установки и сконструированные самообразы Европы, способны радикально

изменить традиционные формы ее коллективной самоидентичности, лишив наследников великих культур права на полноценное наследование. А наследие без наследования – это наследники без наследства.

В-третьих, изменение самообраза или «перекодировка» («перезагрузка») Европы – процесс, последствия которого отразятся в лучшую или худшую сторону на всех странах и народах мира, в том числе и на той части планеты, которая обладает ресурсами долгосрочного развития Европы, – на России. Поэтому так важно просчитать не только текущие и ближайшие, но и отдаленные последствия вторжения в механизмы европейской самоидентификации и скрытой переидентификации.

К сожалению или к счастью, единственным судьей, способным дать окончательную оценку степени рисков, возникающих в процессе «культурной перекодировки», служит историческая практика, которая иногда отодвигает приговор за временные горизонты ныне живущих поколений, не снимая, впрочем, ответственности за содеянное с современников.

Немногим людям удалось соединить или, если быть более точным, найти способ соединения вымысла и реальности, искусственно созданного образа Европы и воплощенной политической идеи. Речь вновь идет о графе Куденхове-Калерги, который стал творцом не только одного из самых продуктивных и привлекательных самообразов Европы, но и грандиозного геополитического проекта – реального прообраза ее новой истории. Он хорошо понимал, что различия между вымыслом и реальностью стираются, когда политическая идея материализуется (институционализируется). И чем выше и благороднее идея (сильная, конкурентоспособная и самостоятельная Европа без войн – действительно благородная идея), тем оптимистичнее взгляд в будущее европейских наций. По его убеждению, «нации являются симбиозом, родством между большими личностями и их народами, которые одновременно отцы, сыновья, творцы и плоды их творения», а «народ объединяют общие герои и идеальные образы» [3 (12)].

Если взглянуть на историю Европы до ее объединения с этой точки зрения, то она предстает перед нами как нагромождение, а иногда как искусное сплетение нарративов – историй, случившихся в действительности или вымышленных, добрых или злых, сохранившихся лишь в языковой структуре или написанных под диктовку преходящих политических и коммерческих интересов. По этой причине столь многообразны и непохожи друг на друга самообразы народов, действительно относящихся или причисляющих себя к *европейской семье*, которая *то сужается, то расширяется*.

Не следует забывать и о самообразах отдельных людей, считающих себя по каким-то причинам (этническим или, напротив, идейно-космополитическим) подлинными европейцами, но не имеющих не то что евро-гражданства, но и одноразовой шенгенской визы.

Парадоксы европейской идентичности

Говоря о *сужении или расширении европейской семьи народов*, мы сталкиваемся с первым парадоксом, о существовании которого следует постоянно помнить, строя здание европейского мира и возводя мосты между ним и всеми другими мирами, – цивилизационными, конфессиональными, политическими. При этом один из стратегических мостов, без которого у Европейского Союза нет гарантированного и безопасного будущего – это культурный мост между ним и Россией, значительная часть населения которой в течение столетий идентифицировало самобытную русскую культуру с европейской культурой. Сохранится ли это родство, если будет изменена преемственная межпоколенческая связь в самом сердце Европы, формирующей новую идентичность? Многое зависит от того, какие принципы будут положены в основу процесса тотальной европейской интеграции.

Суть самого парадокса заключается в том, что не расширение, а именно *сужение самообраза Европы*, например, до «собственно-европейских» культурно-этнических и языковых или конфессиональных и доктринальных рамок в действительности не сужало, а существенно расширяло пространство Европы, ее культурный проект. Лучше других эту мысль выразил Куденхове-Калерги: «Поскольку нация представляет собой империю духа, ее просторы не имеют границ» [4 (13)]. Носителями европейского самообраза в этом случае становились не только миллионы людей, живущих в разных уголках мира и являющихся, к примеру, единоверцами европейцев или их «этническими родственниками», но и миллионы людей, впитавших в себя либо просвещенческую культуру, либо набор философских и политических доктрин, овладевших сознанием граждан европейских государств.

Как уже отмечалось, русские всегда осознавали себя как часть Европы и, более того, постоянно расширяли культурное европейское пространство. Об этом не раз говорил Куденхове-Калерги, прозорливо считавший, что эта миссия России только усилится со временем. Причем *европейский генотип русской культуры* становился тем устойчивее, чем выше поднимался средний образовательный ценз населения России. Именно поэтому Россия в массе своей стала страной, настроенной проевропейски, именно в годы советской власти. И это второй парадокс, который следует особо отметить, поскольку глобальное расширение единого европейского и российского информационного и образовательного пространства – это реальность нашего времени. Углублению этой тенденции препятствует теперь не «железный занавес», а жесткая установка на недопущение русского языка в семью языков Единой Европы. Все знают, как осуществляется «вытравливание» русской речи среди русских, которые после распада СССР стали гражданами новообразованных государств, которые или уже вошли в Евросоюз, или готовятся к такому вхождению.

С другой стороны, *любое территориальное расширение*, постоянно изменяющее сегодня самообраз Единой Европы, в действительности резко сужает ее границы. Сужает до четко очерченных контуров ее нового политического организма, защищающего себя, как и всякий живой организм, от «внешней среды» – политической, этнокультурной, конфессиональной. Соответственно, чем шире будет Европа политическая, тем уже будет Европа культурная. За все приходится платить, и речь идет именно о цене вопроса. К примеру, крайне трудно предугадать, как изменится (уже изменяется) самообраз русских и, соответственно, *русский самообраз Европы* на фоне втягивания соседней Украины в военный блок НАТО. Столь активные действия следует оценивать, с одной стороны, с учетом нарастающей конфронтации НАТО с Россией и, с другой стороны, в контексте широкого обсуждения вопроса о перспективах вхождения Украины в Европейский Союз. В результате даже неискушенному человеку открывается военно-политический аспект расширения Европы, что изменяет не только ее образ в глазах русских и ее самообраз, но и влияет на культурную самоидентификацию *русских украинцев* и *русских великороссов*. Этот процесс разрушает заложенное в течение тысячелетней истории Российского государства представление о русских не только как о нации граждан России (русские немцы, русские татары...), но и как о государствообразующем народе, суперэтнотипе. А этот народ состоял, прежде всего, из великороссов, белорусов и украинцев. Взаимное недоверие, насаждаемое сегодня между частями русского народа по схеме «прозападные или промосковские (москальи)», неизбежно надолго или навсегда исказит и представление о своей европейской принадлежности всех россиян. Вопрос состоит в том, насколько это выгодно Единой Европе и России в историческом и геополитическом контексте. Думается, не надо быть искушенным политологом или политиком, чтобы сделать вывод о том, что даже самая либерально и «прозападно» настроенная политическая элита России не в силах будет остановить процесс отчуждения.

Третий парадокс требует специального и деликатного анализа на стыке философии, политологии и богословия, но о его существовании полезно упомянуть. Он заключается в том, что Европа и Россия *как бы* идут навстречу друг другу, но эта встреча может стать точкой размежевания, поскольку Россия *возвращается* к национальным (читай – проевропейским) традициям великой русской культуры и ее христианским истокам, а пан-Европа стремительно *удаляется* от своих традиционных самообразов и в первую очередь – от христианства. Разумеется, такое «встречное движение» отчасти снимает противоречия, существовавшие между западной и восточной ветвями христианской культуры, но снимает не в философском понимании этого слова, а в «физическом» – подобно бульдозеру, срезающему пласт земли...

К сказанному следует добавить, что сегодня даже убежденные атеисты все чаще демонстрируют понимание роли культуuroобразующих конфессий в уста-

новлении взаимного доверия (или недоверия) между народами и их миротворческой миссии в эпоху межцивилизационных конфликтов, большая часть которых возникает в результате искусственной политизации межконфессиональных отношений [5 (14)].

В России Православие как доминирующая культуурообразующая конфессия в течение столетий была основным гарантом межэтнического согласия и межконфессионального мира, а в настоящее время и политической стабильности. А тот факт, что Русская Православная Церковь постоянно и уверенно восстанавливает свои позиции в жизни российского общества, позволяет надеяться, что Россия не превратится в очаг межцивилизационных войн, способных опрокинуть европейский мир, сохранит свою связь с лучшими традициями западно-христианского мира. Об этом говорил 2 октября 2007 года в ходе своего визита в Страсбург Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, выступая на сессии ПАСЕ перед парламентскими делегациями 40 стран, входящих в Совет Европы. По его словам, «именно на основе традиционной нравственности, уважения к социальным моделям и образу жизни друг друга сосуществовали различные религиозные традиции в России, не знавшей религиозных войн».

Указанные тенденции и парадоксы постоянно обнаруживают себя и требуют реакции со стороны европейской политической элиты, поскольку Европа как новообразованный союз независимых государств, пожертвовавших ради взаимовыгодного объединения существенной частью национальных суверенитетов, – это априори тесное пространство. Здесь рамки циркуляра или, к примеру, модельного закона, а тем более очевидной экономической целесообразности становятся намного важнее и значимее, чем рамки традиций, иногда тысячелетних.

Предварительные выводы

По нашему мнению, не единственной, но существенной гарантией устойчивого и безопасного становления Европейского Союза может быть тонкий и подконтрольный баланс между политическим образом новой Европы и ее традиционными самообразами, которыми следует дорожить, как, в частности, и европейским самообразом русских. Не менее существенный вывод в том, что становление *единого европейско-российского пространства* – информационно-образовательного, культурного и, разумеется, экономического – следовало бы начать не только с разрешения энергетических проблем, но и с опережающего согласования ряда позиций, которые не позволят превратить энергетический вопрос в условиях растущего ресурсного дефицита в проблему сугубо политическую. Политизация этой жизненно важной для Европы проблемы делает ее заложником политических конфликтных отношений, от кого бы они ни исходили – от основных участников сотрудничества или от третьих сторон.

Назовем три позиции, позволяющие, как нам кажется, обеспечить гарантированное будущее Европы и безопасное развитие России, ориентированной на Европу.

Позиция первая: чем меньше коммуникационных барьеров, тем стабильнее сотрудничество в долговременной перспективе. Поэтому так важен курс на поддержку русского языка как языка Евросоюза и принципиальный отход от любых проявлений дискриминационной политики по отношению к русскому языку (Украина, прибалтийские страны). На этом европейском языке думают, говорят и творят миллионы *русских и русскоязычных европейцев*, проживающих после распада исторической России на территориях новообразованных государств, которые вошли (или стремятся войти) в Европейский Союз. Заметим, что позитивный пример конструктивного отношения к потенциалу русского языка ныне демонстрируют даже страны, никогда не входившие в состав Российского государства, в том числе Израиль, где значительная часть населения воспитана в духе русской культуры и где обсуждается вопрос о придании этому языку статуса второго государственного.

Позиция вторая: энергетические стратегии, как и любые отраслевые стратегические проекты, должны «врасти» в долгосрочные системные стратегии развития и Евросоюза, и России. Только это может быть залогом устойчивых связей, не зависящих от политической конъюнктуры и «третьих лиц». Важнейшее звено таких стратегий, по сути *«рельсы»* сверхдолгосрочного синхронизированного развития – это природосбережение и народосбережение, т. е. *совместная экологическая политика*, направленная на сбережение уникального регионального биоразнообразия, и *совместная социальная политика*, призванная сберечь не только поколения живущих ныне, но и сохранить все европейские и российские народы, исторически представленные на этих территориях. Только в этом – гарант жизни для будущих поколений. Если эти *«рельсы общей российско-европейской стратегии»* должны быть проложены синхронно и параллельно, то и *«шпалы общей стратегии»* (единая энергетическая политика, финансовая, информационно-образовательная, научная политика и так по всему списку отраслевых политик) нам придется укладывать сообща. А это – работа на вечность!

Позиция третья: начинать эту масштабную работу целесообразнее с совместных пилотных проектов на доктринальном, законодательном и практическом уровнях. Россия уже идет по этому пути. В частности, при разработке Экологической доктрины РФ мы (автор входил в группу инициаторов и разработчиков доктрины) [6 (15)] ориентировались на соответствующие доктринальные документы Европейского Союза, а ныне, в процессе разработки Социальной доктрины РФ [7 (16)], мы в значительной степени ориентируемся на Европейскую социальную хартию. Наиболее значимым практическим проектом, который наша группа осуществляет, является международная программа

«Валдай – колодцы мира (защита мировой сети водораздельных гидроузлов)». Суть программы – системный мониторинг уникальных природных регионов планеты, от состояния которых зависит качество питьевой воды.

Для того чтобы предельно сжато охарактеризовать суть проблемы, придется вновь обратиться к Данилевскому, поскольку он соединял в одном лице и естествоиспытателя, и философа, и политолога. «Надел, доставшийся русскому народу, – пишет Данилевский, – составляет вполне естественную область, – столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, – область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта пререзывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной этнографической перегородки. Западная половина этой области пререзывается расходящимися во все стороны из центра реками: Северною Двиною, Невою – стоком всей озерной системы, Западною Двиною, Днепром, Доном и Волгою... Восточная половина пререзывается параллельным течением Оби, Енисея и Лены, которые также не разделены между собою горными преградами. На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй» [8 (17)].

Не уходя в эту тему, бесконечно важную для российской политики и ее геополитической стратегии, следует отметить, что одна из наиболее перспективных федеральных программ, которая предшествовала программе «Колодцы мира» и успешно осуществлялась в 90-х годах прошлого века – это Государственная программа социального и культурного развития Тверской области – территории Великого водораздела Русской равнины [9 (18)]. Именно об этой особо ценной природной и историко-культурной территории так точно говорил Данилевский. Подобные проекты – не что иное, как надежные дороги, ведущие к взаимопониманию всех народов Европы (пан-Европы и России). Хотелось бы также привести слова Куденхове-Калерги о том, что панъевропейское движение должно «по своим целям отвергать войну, поддерживать экономику и цивилизацию; принципиально отвергать наступательные и агрессивные тенденции, в том числе и гегемонию» [10 (19)].

Идеи правят миром: неучтенный потенциал панъевропейской идентичности

Среди вопросов, связанных с оценкой конкурирующих проектов строительства европейского дома на современном этапе и требующих осмысления с учетом геополитических рисков и национальных интересов России, без которых невозможно осуществить выбор оптимальной модели общеевропейской интеграции, выделим три основных.

Первый вопрос: чем стала идея Соединенных Штатов Европы в эпоху глобализации – объединяющим началом, снижающим риск межгосударственных, межэтнических и межцивилизационных конфликтов, или всего лишь подновленным механизмом разделения мира на своих и чужих, который порождает новые геополитические риски? Знание созидательного и разрушительного потенциала политических идей – условие для их оптимального использования, поскольку любая из таких идей – не самоцель, а инструмент в руках человека.

Второй вопрос: чем отличается концепция панъевропейского союза графа Рихарда Куденхове-Калерги от множества других научных и политических версий этой продуктивной идеи, которая пережила и, наверное, переживет всех тех, кто рассматривал и до сих пор рассматривает ее как пустую утопию? Каков методологический потенциал этой концепции в наше время – что устареело, а что живо и может плодоносить?

Третий вопрос: что целесообразно и необходимо делать сегодня, чтобы идея европейского единства открывала все новые перспективы устойчивого развития и для Европы, сделавшей первый шаг к новой идентичности, и для России? Россия, к сожалению, слишком часто (и далеко не всегда обоснованно) рассматривалась в панъевропейских проектах в качестве того потенциального врага, ради которого, собственно, Европе и стоит объединяться. Подлинный потенциал панъевропейской идеи – пока не востребованные в полной мере возможности интеграции и устойчивого развития на евразийском пространстве.

Итак, *первый вопрос в его прагматической версии*: какую конкретную практическую сверхзадачу решает или может решить панъевропеизм в эпоху глобализации? Ведет ли этот план к консолидации мирового сообщества или к его дезинтеграции, к снижению рисков или к их расширенному производству?

Сразу заметим, что этот вопрос волновал уже первых читателей Куденхове-Калерги. Не был исключением и его последователь-антагонист, сторонник концепции континентального блока «Германия – Россия – Япония» Карл Хаусхофер, который, говоря о планетарном будущем панидей в целом и о концепции «радующегося миру графа» в частности, отмечал связь этих идей с кантовской идеей вечного мира. При этом он обращал внимание, прежде всего, на альтернативные геополитические сценарии, спрашивая себя: «приведет ли такое развитие к подлинному миру во всем мире или же снова вергнет его в борьбу за существование только уже между более крупными пространствами и с еще более страшными последствиями для человечества?» [11 (20)].

Сопоставляя противоположные версии с учетом уже приобретенного и по преимуществу трагического исторического опыта, приходишь к выводу, что однозначного ответа не существует и сегодня. И это неудивительно, поскольку ответ заключается не столько в теоретических построениях и основанных на них прогнозах, сколько в направленности политической воли, в тех императи-

вах, которые определяют выбор стратегий. Не меньшую роль играет уровень компетенции и глубинная мотивация людей и политических групп, волею судеб (а отчасти волею избирателей) принявших ныне на себя ответственность за будущее мироустройство, идущее на смену биполярной системе.

Но как бы высоко ни оценивали мы волевое начало политики, приходится признать и ту внутреннюю логику – разрушительную и/или созидательную – которой обладают и сами идеи. В известном суждении «идеи правят миром» заключена доля истины. Так как же правят или могли бы править миром панъевропейские идеи?

С одной стороны, в эпоху стремительно глобализирующегося мира сомнения в «миротворческой миссии» панидей не только не рассеялись, но и усилились, особенно в последние годы. В пользу этого печального вывода говорит хотя бы тот факт, что начало третьего тысячелетия свидетельствует о неготовности крупных акторов мировой политики (в том числе и стран-членов ЕС) отказаться от силовых методов разрешения конфликтов. Более того: мы наблюдаем своего рода «ренессанс» политики силы и, что особенно опасно, возникновение прецедентов военного передела территорий в самом сердце Европы. Примером служит военное решение югославской проблемы с элементами геноцида, которое надолго подорвало доверие и к международному праву, и к идее формирования единого правового пространства, что обострило рознь между народами и государствами.

К сожалению, в тот момент в Европе неслышанными остались пророческие слова Куденхове-Калерги: «Наличие плохих границ все-таки лучше, чем любая победоносная война. Необходимо, как это уже произошло в Америке, поставить, наконец, точку в теме изменения европейских границ и перестать пытаться их насильственно передвинуть. Если бы Американские Штаты беспрерывно ссорились друг с другом по поводу справедливости проведения своих границ, там бы не прекращались войны. Они оказались умнее и почти все смирились со своими несправедливыми и противоестественными границами – Европа должна у них учиться! Существует только один радикальный способ решить европейский вопрос о границах справедливо и надолго. Этот способ называется не перенос границ, а их ликвидация» [12 (21)].

С другой стороны, реальный процесс институционализации панъевропейской идеи – само становление Европейского Союза – постепенно переводит дискуссию о миротворческом потенциале панидей из сферы политического дискурса и отвлеченной теории в плоскость *конкретного измерения*, доступного для научной аналитики. Это обстоятельство обнадеживает. Во-первых, возможность измерения – это возможность контроля за политикой и политиками со стороны гражданского общества. Во-вторых, это делает политику открытой для научного обоснования интеграционных процессов, а следовательно, и для более или менее достоверного предвидения и снижения непредвиденных

политических рисков. Мерой для такого анализа сегодня могут быть вполне доступные для объективной оценки характеристики состояния глобализирующегося мира – экономические показатели, системные критерии уровня и качества жизни и многое другое. Следует заметить, что Совет Европы уделяет особое внимание именно этому аспекту политического планирования, что также говорит в пользу оптимистического сценария.

Первый вывод, который можно сделать, сводится к тому, что идея единой Европы – обоюдоострое оружие, требующее особой осторожности от оруженосцев.

Второй вопрос – об отличительных особенностях проекта Рихарда Куденхове-Калерги. По сути, это вопрос о той уникальной нише, которую отвоевала себе его версия среди многочисленных конкурирующих вариаций идеи единой Европы. Начнем с констатации факта: отсутствие единой и общепринятой версии панъевропейского союза – это и слабость идеи, и ее сила. Слабость проявляется в том, что многообразии подходов и принципов разделило адептов пан-Европы на федералистов, унионистов и функционалистов, а также сторонников так называемых смешанных моделей. У каждой из этих версий своя история, свои предтечи и противники, а главное – своя система аргументации и особые критерии оценки. Вряд ли кто-нибудь может взять сегодня на себя роль третейского судьи, поскольку в конечном итоге выбор будет сделан не политиками и не «яйцеголовыми», а народами Европы. И здесь слишком велика роль случая, стечения обстоятельств и непредсказуемой мотивации масс, чтобы уповать на выбор единственно правильного, как представляется нам, решения.

Думается, что главная особенность замысла Куденхове-Калерги состояла в том, что ему, как никому другому, удалось соединить три начала:

– во-первых, мощный императивный импульс панъевропейской идеи – установку на консолидацию сил пред лицом общей угрозы (в тот период угрозы для европейских стран исходили от большевизма, реальной возможности объединения тоталитарных режимов и прозрачной перспективы установления гегемонии США, которая станет политической реальностью в случае новой истребительной войны между европейскими народами);

– во-вторых, очень привлекательную миротворческую установку, которая отличала версию Куденхове-Калерги от большинства так называемых «наполеоновских» проектов;

– и в-третьих, четко выраженное проектное начало концепции. Эта особенность в значительной степени была связана с личностными качествами Куденхове-Калерги, соединявшего в себе дар оригинального теоретика, талантливого пропагандиста, искушенного политика, способного соединять публичную деятельность с тщательно скрытой работой по продвижению своего проекта, а также особый дар чувствовать дух и вызовы времени, умонастроение различных слоев общества.

По сути, концепция Куденхове-Калерги – это не только детально проработанный политический проект, адаптированный к политической конъюнктуре, но и созданная им развитая система управления проектом. А в рамках этой системы была отработана целая сеть подпроектов, в том числе научного и информационного сопровождения. Здесь же – пакет проектов-предложений по введению Конституции Европы, общей валюты и символики (европейский флаг, гимн, День Европы и т. п.).

Анализ сильных и слабых сторон проекта Куденхове-Калерги – задача, сама постановка которой требует учитывать прагматично-проектную специфику его творчества. Но для того, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о потенциале панъевропейского проекта Куденхове-Калерги, потребуется огромная работа по реконструкции замысла и методов его реализации, а также политического и геополитического контекста. Мы планируем в этой связи подготовить и осуществить исследовательскую программу, используя огромное количество материалов, хранящихся в московских архивах. Среди исследований, которые дают представление о ценности этих материалов, – известная работа Аниты Цигерхофер-Преттенталер (Anita Ziegerhofer-Prettenthaler) «Посланец Европы».

Третий вопрос – о том, что необходимо делать, чтобы не допустить пере-рождения проекта и не передать его в руки поджигателей новой мировой войны, стоило бы переформулировать, сделав акцент на конкретных задачах. Возможная формула звучала бы так: что́ мы, граждане Европейского Союза и граждане России, ответственные за судьбу Европы, обязаны совместно делать после того, что мы уже сотворили с природой, с культурами народов, с судьбами миллионов людей? Как выстроить систему приоритетов?

Совместная работа над панъевропейским проектом – это и есть ключевой политический вопрос наших дней. Россия, определяя сегодня стратегию долгосрочных отношений с Евросоюзом в контексте Евразийского проекта, определяет нечто большее – модель собственного развития на историческую перспективу. Но если мы с уверенностью говорим, что стратегия России в значительной степени будет предопределена выбором европейцев, то не вызывает сомнений и другой факт: стратегия новой Европы обречена превратиться в утопию, если не будет найден общий алгоритм продвижения к этому проекту подлинно единой Европы и обновленной России, о котором мечтал Куденхове-Калерги.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что в политехнологическом отношении эта задача трудно осуществима, хотя Россия и является членом Совета Европы. Отсутствуют традиция сотрудничества и прецеденты, но доминирует традиционно настороженное отношение к партнерству такого рода, мешают факторы, связанные с особенностью бюрократических механизмов Брюсселя и Москвы, а также, конечно, с внешним влиянием. Все это усиливает степень геополитического риска.

Говорят, что кто не рискует, тот не пьет шампанского. Это верно. Но верно и другое: тот, кто понапрасну искушает судьбу, играет с огнем.

Тот факт, что Европа достаточно легко идет на колоссальный риск, конструируя свой самообраз, как и сто лет назад, через образ врага в лице России, объясняется тремя факторами:

– во-первых, генетически заложенным в культурный код и массовое сознание страхом перед огромной империей, которая, по словам Куденхове-Калерги, при любом исходе возродится (этот страх был многократно усилен реальной угрозой мировой революции, исходившей из России, где уничтожение христианской европейской традиции шло куда энергичнее, чем это делали радикальные либералы на Западе);

– во-вторых, прямо противоположной установкой – глубоко спрятанной в подсознании образованного европейца уверенностью в безопасности, которая объясняется просто: Россия была и останется носительницей европейской культуры в ее высших проявлениях (чем иным можно объяснить открытость русской культуры и ту огромную роль в становлении европейской и мировой культуры, которую сыграли великие русские писатели и музыканты?);

– в-третьих, надеждой на то, что процесс демократического обновления России по западному образцу будет необратим.

Последний тезис, надо отметить, вызывает большое сомнение. Степень принудительной, идущей извне изоляции и реальной военной угрозы, исходящей от «управляемой Европы», способна в короткое время качественно изменить исторический выбор России и нанести непоправимый удар по безопасности (в первую очередь – энергетической) всего европейского мира. Интересы национальной безопасности России, также как и интересы ЕС, не могут приноситься в жертву никаким, пусть даже самым высоким идеалам, а реальную политику открытости не следует уподоблять однонаправленному движению.

* * *

В заключение хотелось бы сказать, что стратегия, построенная по принципу «Европа – это анти-Россия», наверное, имела право на существование во времена Куденхове-Калерги, поскольку сама Россия долго была анти-Россией. Но эта позиция устарела, а кроме того, является заведомо слабой стратегией по трем причинам:

– во-первых, это позиция слабых;

– во-вторых, сегодня это тупиковая политическая линия, повторяющая известную китайскую стратегию «создай себе врага, чтобы потом до конца дней бороться с ним». По отношению к России – этот конец может наступить быстрее, чем многим бы хотелось;

– в-третьих, это просто нерасчетливо в экономическом плане и неразумно в плане культурном. В подтверждение этих слов снова сошлемся на мнение

Куденхове-Калерги: «В рамках великой панъевропейской экономики каждая нация в мирном соревновании со своими соседями завершит создание собственной культуры» [13 (22)].

Цивилизации и цивилизаторы: «Русский Наполеон»

Как бы мы ни относились к бесчисленным интерпретациям феномена цивилизации и более чем сомнительным «цивилизационным проектам», факт остается фактом: за этими размытыми представлениями и конкурирующими теоретическими построениями стоит реальность, которая, как и славянство, переживает все четкие и выверенные теории и доктрины, идеологии и сами политические институты. Время смыывает с поверхности Земли великие государства и народы, считавшие саму вечность всего лишь одним из атрибутов земной власти. Время вымывает из памяти и коллективного подсознания следы «великих учений», которым с равным упорством поклонялись миллионы разумных и безумных людей, готовых отдать за них не только свои и чужие жизни, но и будущее собственных народов. Это стирало границы между разумом и безумием, подвигом и предательством, верой и неверием. Но даже время бессильно перед зыбким, почти незримым образом цивилизационного устройства мира.

От нашего понимания этого феномена во многом зависит отношение к исторической миссии народов, в том числе русского культурного мира, не связанного границами и институтом гражданства, к наследию (природному и культурному, мировому и национальному), а также осуществление права наций-наследников на наследование в глобализирующемся мире. Повышенный интерес к конкурирующим теориям, объясняющим природу цивилизации, и к самому принципу цивилизационного устройства мира объясняется не столько логикой познания, сколько факторами экстранаучного и экстракультурного порядка – скрытыми политическими и корпоративными целями. В результате одно из самых размытых и до недавнего времени академически нейтральных понятий становится «камнем преткновения и камнем соблазна» в столкновении ведущих игроков на поле геополитики, называющих едва ли не главной глобальной проблемой третьего тысячелетия реальную угрозу перерастания социальных и политических противоречий в межцивилизационные конфликты и религиозные войны.

В действительности первопричиной указанных противоречий и самой попытки обосновать неизбежность межцивилизационных столкновений является неизменная установка «цивилизованного человечества» в лице «успешных» государств на тотальную этнокультурную унификацию и целенаправленное разрушение мировых границ – государственных, цивилизационных, моральных. Такая установка – издержка процесса принудительной консолидации

внутренне разобщенного и атомизированного западного общества, вынужденного по мере усиления антиклерикальных настроений («освобождения от пут религиозной веры») постоянно искать или конструировать образ внешнего врага. Не случайно известная книга К. Поппера, ставшая теоретическим обоснованием проекта «открытого общества» (цель проекта – консолидация Запада в послевоенном «биполярном мире» перед лицом «красной угрозы»), получила говорящее название: «Открытое общество и его враги». Столь жесткая и неизменная позиция *цивилизаторов* вызывает вполне предсказуемую реакцию со стороны большинства принудительно *цивилизуемых* – многих народов, которые отнесены «цивилизированным миром» (варварами в строго историческом значении этого слова) к категории «варваров» и «изгоев», хотя именно за плечами «изгоев» чаще всего стоят мировые цивилизации с многовековой историей. Все это делает угрозу цивилизационных войн вполне реальной, превращая откровенно провокационные политические теории в научные пророчества и легитимируя тем самым политику силы в межгосударственных отношениях.

Такая же, по сути, установка лежит и в основе главного набора идей панъевропеизма, без которых невозможно реконструировать процессы европейской интеграции и, соответственно, заложить устойчивые и доверительные отношения между двумя «европейскими полюсами». С одной стороны, речь идет о «вечной России», распространившей христианскую веру и европейскую культуру на огромных евразийских пространствах, а с другой стороны – о постоянно эволюционирующей Европе, «прогрессирующей» от христианской, хотя и разобщенной культуры к «толерантно-постхристианской» сверхдержаве, а от нее, судя по доминирующей тенденции, – к «происламистскому» конгломерату. Как говорил Рихард Н. Куденхове-Калерги в своем манифесте «Пан-Европа», если не существует и не может существовать справедливых границ, то остаются два варианта, кроме, разумеется, губительного для Европы силового, военного решения проблемы. (Куденхове-Калерги настойчиво предостерегал европейских политиков от применения военной силы против России.) Первый вариант – смириться с заведомо несправедливыми и противоестественными границами. Второй – отказаться от границ вовсе. По его мнению, «существует только один радикальный путь защитить европейскую цивилизацию, решив европейский вопрос о границах справедливо и надолго. Этот путь называется не перенос границ, а их ликвидация. ...Европеец, который способен ради мира отказаться перенести политические границы, должен направить всю свою энергию на ликвидацию границ, национальных и экономических» [14 (23)].

Это положение, принципиально важное для понимания архитектоники современного Евросоюза, нужно выделить, если учесть потенциал политического всеславянского проекта. Об этом Куденхове-Калерги говорит совершенно прямо, имея в виду основную задачу панъевропейского союза как прообраза

единой Европы: «Непосредственной угрозой отделения Восточной Европы является панславизм. Актуальной эта проблема может стать только в случае изменения курса российской внутренней политики. Если панславянские настроения проявятся у южных и западных славян, тогда и венгры с болгарами также попытаются с помощью русских реакционеров вернуть свои *утраченные территории*. В этом случае власть России распространится до Адриатики. Только своевременное создание Панъевропейской федерации может воспрепятствовать этой опасности. Исторический момент для этого самый благоприятный. С каждым месяцем ситуация может ухудшиться, а возможность создания панъевропейского объединения после победы российской реакции более чем сомнительна» [15 (24)].

Подобное суждение, высказанное еще в 20-х годах прошлого века, может показаться вполне обоснованным (с учетом угрозы «большевизации Европы»), если забыть о ближайших и отдаленных политических и, что намного важнее, цивилизационных и этнокультурных последствиях такой политики, а также о цене, которую пришлось и еще придется заплатить европейцам за Европу без «национальных мифов кровного родства», вечно противостоящую русской угрозе. Причем угроза эта должна сохраняться, по мнению Куденхове-Калерги, независимо от политического строя и курса самой России: «если коммунизм сменится другим политическим строем», то и в этом случае в итоге «придет Русский Наполеон, который из малых Восточноевропейских государств создаст свой Рейнский союз и с его помощью нанесет Европе смертельный удар» [16 (25)].

Цивилизационный подход в науке и политике

«Цивилизационный подход» достаточно широко распространен в науке и политике, а само понятие цивилизации давно вошло в узус многих языков и уже более двух столетий служит универсальной «биркой», принятой в мировом научном сообществе и применяемой для обозначения феномена надэтнического, наднационального и метаисторического единства. Природа этого единства до сего времени по-разному осмысливается и объясняется в языках и культурах народов мира, но в большинстве случаев ее интерпретации основаны на признании неких высших ценностей и святынь, прежде всего, конфессиональных, представление о которых не укладывается в прокрустово ложе узких политических целей и геополитических проектов.

Иерархия ценностей, характерная для осознания цивилизационной принадлежности, в определенной степени служит этому политическому идеалу, поскольку позволяет сохранить преемственность культур и неизменную, т. е. подлинную идентичность. Важно заметить, что хотя «подлинность идентичности» определяется, конечно, весьма условно, однако само стремление обнаружить ее позволяет как минимум распознать проявления измененного сознания.

К подобным проявлениям следует отнести, прежде всего, преходящие и ложные формы самоидентификации, будь то конструирование новых наций «под политический проект» с подготовкой и экспортом «демократических этнореволюций» или канувшее в Лету строительство идеологически несовместимых мировых лагерей.

Цивилизационная идентичность трудно совместима с преходящими идеологическими формами идентификации, поскольку цивилизационные отличия чаще всего связаны с конфессиональной принадлежностью, а все так называемые «великие учения» («измы»), лежащие в основе политических доктрин и стратегий, стремятся занять в массовом сознании место религиозной веры (свято место пусто не бывает). Здесь кроется причина почти необъяснимой ненависти к Церкви, которую демонстрировали основатели и адепты подобных учений (от радикально-либеральных до коммунистических). Таким образом, установление цивилизационного родства востребовано в эпоху глубокого кризиса идеологий в значительно большей степени, чем традиционная для двадцатого столетия политическая индоктринация. Под индоктринацией мы понимаем разнообразные способы внедрения в сознание масс политических доктрин, т. е. идей и теорий, специально адаптированных для усвоения массовым сознанием в интересах легитимации (или делегитимации) власти. Вместе с тем представление о *своей* цивилизации (например, о *западной* или *европейской*, *восточно-христианской* или *православной*, а тем более о собственно *российской*, *русской* или *славянской* цивилизации) служит инструментом явной или скрытой, осознанной или стихийно осуществляемой индоктринации. Индоктринация подобного рода (цивилизационная индоктринация) отличается от политической и имеет ряд достойных уважения целей. Назовем только некоторые из них.

Во-первых, она направлена на консолидацию родственных в культурно-конфессиональном и (или) языковом отношении народов перед лицом новых вызовов времени. Один из них – установление внешнего управления над «странами-клиентами», навязывание экономического, военного и культурного господства, т. е. цивилизаторство в его самой опасной форме, осуществляемое методами «горячей» или «холодной» войны, морального и доктринального разоружения «варваров» или «народов-изгоев».

Во-вторых, целью индоктринации может служить сотрудничество различных народов, направленное на сохранение цивилизационного многообразия и собственной идентичности в глобализирующемся мире, что также предполагает определенную унификацию сознания (отказ от множественных стандартов, используемых для разделения народов на «своих» и «чужих»).

В-третьих, целью цивилизационной индоктринации является формирование или коррекция исторического самообраза народов и государств в сознании граждан, соотечественников и иностранцев (Россия явно «теряет свое лицо»

из-за нежелания или неготовности политического класса четко заявить о ее исторической цивилизационной миссии).

[1 (10)] *Куденхове-Калерги Р.* Пан-Европа. – М.: Вита Планетаре, 2006. С. 13.

[2 (11)] См.: *Расторгуев В.Н.* Политическое планирование в условиях «водного года» // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. Сокращенная версия статьи на сайте МГИМО: http://www.mgimo.ru/files2/y02_2011/180844/rastorguev-water.pdf.

[3 (12)] *Куденхове-Калерги Р.* Указ. соч. С. 88.

[4 (13)] Там же. С. 94.

[5 (14)] Подробнее об исторической миссии культуuroобразующих конфессий см.: *Расторгуев В.Н.* Культурообразующие конфессии – гарант мира в эпоху межцивилизационных конфликтов // Православная Византия и латинский Запад (к 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами). – М.: Паломнический центр Московской Патриархии, 2005.

[6 (15)] О работе над доктриной см. коллект. монографию: Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трех морей (Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам). – М.: Финансовый контроль, 2004.

[7 (16)] Проект Социальной доктрины Российской Федерации был подготовлен по инициативе Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации, прошел стадию широкого обсуждения с участием государственных органов власти и институтов гражданского общества, но... остался проектом.

[8 (17)] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Глаголь, 2002. С. 19.

[9 (18)] Автор статьи был научным руководителем программы.

[10 (19)] *Куденхове-Калерги Р.* Указ. соч. С. 52.

[11 (20)] *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. С. 343.

[12 (21)] *Куденхове-Калерги Р.* Указ. соч. С. 95.

[13 (22)] Там же.

[14 (23)] Там же.

[15 (24)] Там же. С. 43.

[16 (25)] Там же. С. 22, 81. Нельзя недооценивать влияние таких идей-жупелов на сознание европейцев сегодня, если учесть аналитический гений и прогностический дар Куденхове-Калерги, который еще в середине 20-х годов XX века достаточно точно спрогнозировал начало и исход Второй мировой войны с победой русского оружия, а также крайне опасный для европейцев гегемонизм США в Европе и создание после войны пророссийского и антизападного Восточноевропейского экономического и военного блока с включением в его состав всех славянских стран.

Русская идея и христианский персонализм

Аркадий Маркович Малер,

*глава интеллектуального клуба «Катехон»,
преподаватель философского факультета Государственного
академического университета гуманитарных наук, член Синодальной
библейско-богословской комиссии и Межсоборного присутствия РПЦ*

В содержании любой политической идеологии необходимо различать два принципиально разных концептуальных аспекта, часто смешиваемых в популярной риторике вплоть до их полной неразличимости. Первый аспект наиболее очевиден – это те конечные цели и ценности, которые должны быть реализованы с точки зрения этой идеологии, это аспект долженствования, призывов, императивов, лозунгов. Второй аспект нередко выносится за скобки и даже умалчивается, хотя без него никакая полноценная идеология совершенно невозможна, – это та картина мира, которая составляет необходимый онтологический фундамент этой идеологии и нередко преподносится как нечто само собой разумеющееся и якобы очевидное для всех. Прежде чем призывать людей к каким-либо действиям в этом мире, любой идеолог сначала должен описать этот мир и из констатации сущего вывести императив должного. Если между онтологическим и аксиологическим аспектами какой-либо идеологии обнаруживается логическое противоречие, то вполне можно сказать, что эта идеология очень плохо продумана и уже поэтому ложна. Если же между этими аспектами выстраивается прямая логическая связь, то эта идеология достаточно последовательна, из чего вовсе не следует, что она хоть сколько-нибудь истинна.

Если обратить внимание на все основные современные политические идеологии, то можно заметить, что при всем различии их аксиологических установок, на онтологическом уровне они все же имеют одно общее свойство – это сведение всех социальных явлений и процессов к безраздельному детерминизму сугубо природных, безличных факторов. В этой натуралистической редукции несложно убедиться на примере трех основных революционных идеологических позиций Модерна – национализма, социализма и либерализма. В случае национализма, часто выступающего под благородной маской «консерватизма», эта редукция наиболее очевидна: здесь нация понимается как изначально природное, органичное целое, существующее по законам биологических видов и довлеющее над всеми своими «особями». Немногие националисты столь откровенны в изложении своей политической онтологии, но без этой онтологической основы национализм перестает быть национализмом.

Аналогичный онтологический базис встречается в самообосновании коммунистической идеологии, полагающей развитие человечества продолжением зоологической эволюции и вместо борьбы наций за существование утверждающей борьбу социальных классов. Однако из биологического детерминизма вовсе не следует, что общество должно ориентироваться только на коллективистские ценности, потому что из самого факта зависимости от природы еще не следует никакого долженствования. Законы природы сами по себе не имеют обязывающей силы, но зато имеют силу объяснительную: если согласиться с тем, что человек это лишь эволюционировавшее животное, то из этого еще не следует, что он должен вести себя как животные, но зато тем самым объясняется, что никаким иным образом, кроме как животным, он и не способен себя вести. Поэтому из биологического детерминизма эпохи Модерна следует не только такие коллективистские идеологии, как национализм или социализм, но также и либеральный индивидуализм, воспринимающий человека не как естественную часть коллективного организма, а как атомарного индивида, выступающего в качестве «собственника» доставшейся ему по рождению природы вида *homo sapiens* и имеющего право распоряжаться этой «собственностью» по своему усмотрению. Следовательно, имперсональный детерминизм остается общим мировоззренческим знаменателем для всех ведущих идеологий Модерна, каждая из которых уже имеет богатую историю своей реализации в самых разных странах Европы и всего мира.

Однако стоит заметить, что имперсональный детерминизм, как таковой, возник вовсе не в Европе эпохи Нового времени, а всегда был основополагающим принципом всех языческих религий и философий, включая все возможные религиозно-философские школы Античности, и в этом смысле проект Модерна был вполне логическим завершением европейского Ренессанса, так же как немецкий классический идеализм, по выражению отца Георгия Флоровского, был лишь «рецидивом дохристианского эллинизма». Беспрецедентное значение проекта Модерна состояло в том, что он синтезировал античное и христианское наследие, но не так, как это произошло в «византийском проекте» IV века, где христианское содержание только лишь использовало античные формы, а на равных, где уже античное содержание вытесняло христианское. В проекте Модерна многие христианские ценности и представления сохранились по умолчанию и по-разному преломились во всех трех новоевропейских идеологиях, но они были лишены своей религиозной основы, потому что его ведущей тенденцией была антихристианская секуляризация, ставшая главной отличительной чертой западного мира. Таким образом, унаследованный от античности натуралистический имперсонализм способствовал вытеснению христианской веры, но вместе с этим сам подвергся секуляризации, так что можно прямо сказать, что специфической позицией Запада эпохи Модерна, не имеющей аналогов в мировой истории, стал секулярный имперсонализм.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на концептуальный смысл таких базовых оппозиций современной историософии, как «Запад – Восток» и «Европа – Азия». Если отбросить все случайные свойства этих социально-философских категорий, то можно констатировать, что оппозиция «Запад – Восток», в конечном счете, сводится к неснимаемому конфликту двух мировоззренческих установок – секулярной и религиозной, потому что во всем остальном они могут быть вполне солидарны. Причем речь идет не о следовании какой-либо конкретной традиции, а о самой установке на служение сверхъестественным ценностям, которая может выражаться в самых разных формах. И если говорить о восточном мире в безусловном смысле этого понятия, то можно также сказать, что для таких культур, как индуизм, джайнизм, буддизм, даосизм, синтоизм и т. п. общим мировоззренческим знаменателем будет религиозный имперсонализм, проповедь безличного абсолютного духа, хорошо знакомого западной философии от платонизма до гегельянства. Несколько сложнее было бы определить оппозицию «Европа – Азия», потому что понятие Европы более неоднородно и многогранно, чем понятие Запада, и весьма показательно, что Западная Европа более секулярна, чем Восточная, что не мешает последней оставаться именно Европой. Для того чтобы прояснить этот вопрос, необходимо вспомнить, какая именно идея была постоянным лейтмотивом европейской истории со времен Древних Афин, резко отличающей Европу от других цивилизаций: это идея прав и свобод частного человека, идея индивидуализма, получившая свое конечное воплощение в идеологии современного либерализма. В свою очередь, «Азией» называется не какая-то конкретная часть света, а все то, что не-Европа, весь тот мир, где ценности коллектива всегда выше ценностей индивида. В пределе можно говорить о конфликте двух взаимоисключающих мировоззренческих установок – секулярном индивидуализме Западной Европы и религиозном коллективизме Восточной Азии. Где же в этом перекрестье находится Россия?

Если собрать все основные работы, призванные раскрыть понятие Русской идеи, то их неизменным рефреном остается указание на глубокую амбивалентность и полярность русского самосознания, обусловленную, прежде всего, пограничным положением России между Западом и Востоком, Европой и Азией. Поскольку такое «пограничное» позиционирование России давно уже стало общим местом многих историософских рассуждений, то оно часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не требующее обоснований. В действительности этот подход, скорее, откладывает вопрос о реальном положении и миссии России, чем проясняет его. Поскольку восточные границы России совпадают с границами самого континента и все азиатские соседи России на континенте располагаются вдоль ее южной границы, то говорить о России как некоем пограничье между Востоком и Западом заведомо неверно. Кроме того, подобное положение России вовсе не объясняет ее уникальность:

в Старом Свете можно найти целый ряд стран, которые также существуют между Европой и Азией и, в отличие от России, реально сочетают в себе элементы как европейских, так и азиатских культур. Если же у этого подхода есть объективная правда, то она состоит в том, что на протяжении всей своей истории Россия действительно заметно отличается как от всех азиатских, так и европейских стран. И географический фактор в этом отличии сыграл не последнюю роль: Россия никогда не была частью азиатского мира, а пришла в Азию с запада и с севера, а по отношению к Европе Россия всегда была самой восточной европейской страной, дошедшей до естественных границ евроазиатского континента на востоке и ставшей крупнейшей в мире сухопутной империей, способной сопротивляться самому Западу.

Однако сколь бы существенным ни был географический фактор в формировании русского национального самосознания, основывать на нем Русскую национальную идею и идеологию – это значит обезличивать русский народ, уподобляя его очередной биологической популяции, полностью зависящей от своего биогеоценоза. В этой редукции национального к природному заключается опасность низведения человека к животному, что очень хорошо прослеживается во всех секулярных теориях этногенеза, и поэтому на онтологическом уровне между идеологией евразийства и самого примитивного этнического национализма никакой разницы нет. Именно потому, что любая нация состоит не из безличных особей или атомарных индивидов, а из уникальных, живых, конкретных личностей, на ее природное начало, обусловленное географией или генетикой, наслаивается коллективный исторический опыт относительно произвольного взаимодействия как внутри нации, так и с другими нациями, в развитии которого отдельные группы и даже отдельные личности часто играют еще более значимую роль, чем какие-либо безличные факторы.

История любой нации не запрограммирована и непредсказуема, – это живая динамическая реальность, а ее культура, цивилизация, идеология не вырастает из природной стихии в качестве ее «надстройки», а создается конкретными творческими личностями, составляя ее «вторую природу», которая нередко может входить в противоречие с первой. У каждой развитой нации, в том смысле этого слова, которое превосходит биосоциальное понятие этноса, всегда есть свое сверхприродное начало, выраженное в ее интеллектуальной культуре. Если говорить о России, то этим началом со времен исторического выбора киевского князя Владимира является Православное Христианство и только оно.

В определяющем влиянии Православия на Россию, как ни странно, парадоксальным образом сыграл свою роль все тот же географический фактор, но не в качестве источника для какого-либо положительного содержания, а как раз в качестве *tabula rasa* – в качестве пространства, которое не имело никакой сильной традиции, сопоставимой с Православием, и куда Православие

пришло уже во всем богатстве своего культурного развития. В отличие от Греции или Италии у России не было своей античности и даже в сравнении со всеми другими православными народами балканского или кавказского региона, непосредственное влияние византийской культуры на Русь было самым далеким, если только не иметь в виду территорию Северного Причерноморья, которая для Древней Руси была такой же периферией, как и для самой Византии. С христианской точки зрения в этой культурной примитивности дохристианской Руси было огромное преимущество перед всеми странами античного ареала, потому что она не позволяла русским людям, подобно маловерной жене Лота, оглянуться назад и в любой момент предпочесть Христианству собственную, «автохтонную» традицию.

В сравнении с греческими, римскими и многими другими дохристианскими традициями древнерусское язычество было настолько неразвитым, что не смогло составить реальную конкуренцию Православному Христианству и любые попытки реанимировать его в наше время остаются лишь фантазийной реконструкцией. Следовательно, у России нет иного мировоззренческого фундамента, кроме Православного Христианства и поэтому любое отречение от Православия для русского народа неизбежно повлечет за собой кардинальный слом национальной идентичности, по сути означающий национальное самоубийство, что уже чуть было не произошло в результате коммунистического эксперимента и что еще может произойти, если Православие в России будет низведено до уровня одного из многих религиозных культов, как это предполагается в либеральной утопии.

Какое же значение имеет православная идентичность России в обозначенном цивилизационном перекрестье Запада и Востока, Европы и Азии? Если совершить философскую экспликацию православного вероучения и попытаться выявить те эксклюзивные ценности, которыми современный мир обязан именно христианству, то первой среди них будет ценность личности, само понятие которой возникло именно в контексте христианской теологии и из нее пришло в европейскую интеллектуальную культуру. Христианство определяет Бога как личность и каждого человека также как личность, потому что человек создан по образу Божию. Основными неотъемлемыми свойствами личности являются ее разумность и свобода, а следовательно, способность к ответственности, творчеству, общению и сотворчеству с другими личностями. Таким образом, если христианское вероучение возможно определить в философских координатах, то это именно персонализм, причем, речь идет не о какой-то его отдельной авторской версии, а самом принципе персоналистской философии, полагающей Личность наивысшей онтологической инстанцией и, одновременно, наивысшей ценностью.

По этому поводу можно было бы возразить – а причем здесь именно Россия, если христианство было доминирующей религией во всей Европе и сам

персонализм можно считать отличительной чертой всей европейской философии? Это возражение было бы справедливым, если бы христианство в Европе сохранило свою ортодоксальную чистоту и не претерпело целый ряд сущностных трансмутаций, начиная с католического раскола. Если проанализировать философский аспект всех католических лжедогматов, то можно увидеть, что каждый из них, начиная с *Filioque*, был отходом от персоналистской сущности христианства в сторону религиозного имперсонализма, и не случайно именно в Западной Европе возобладал ренессанс античного учения о безличном божестве, ставшего отправным понятием для всего философского идеализма от Плотина до Гегеля.

В итоге христианская идея личности на Западе была подорвана и испытала основательную секуляризацию, а ведущей идеологией Запада стал секулярный персонализм, который точнее было бы определить как индивидуализм, поскольку понятие личности без своего метафизического обоснования в Боге утрачивает свой смысл. Но не вся Европа отпала от истинного христианства: оставшийся в Восточной Европе Православный мир неоднократно подвергался основательной вестернизации, но само Православие не было искажено. И поскольку Православие является истинным, подлинным, ортодоксальным христианством, постольку православный персонализм остается истинным, подлинным, ортодоксальным персонализмом. Несмотря на то, что философский персонализм развивался во всех ведущих европейских странах, именно в русской религиозной философии он получил наиболее последовательное и разнообразное развитие, начиная с приехавшего в Россию автора термина «персонализм» Густава Тейхмюллера и его школы русского неолейбницеанства конца XIX века, продолжая такими именами, как Виктор Несмелов или Николай Бердяев, и завершая, наконец, неопатристическим синтезом о. Георгия Флоровского и Владимира Лосского, ставшим ведущим направлением мировой православной мысли второй половины XX – начала XXI века.

Разумеется, из всего вышеизложенного совершенно не следует, что русский народ в своем большинстве и сама российская государственность придерживаются православного персонализма, но в той степени, в которой Россия действительно ориентируется на Православное Христианство, ее невербализованной, имплицитной, потенциальной философией является именно православный персонализм, который может составить мировоззренческую основу полноценной Русской идеи – уникальной и универсальной. И в таком случае можно прямо констатировать, что если Восток пошел по пути религиозного имперсонализма (коллективизма), а Запад по пути секулярного персонализма (индивидуализма), то Россия идет третьим путем – путем христианского, то есть религиозного персонализма. Кстати заметим, что в комбинаторике этих понятий не хватает четвертого элемента, а именно – секулярного имперсонализма (секулярного коллективизма), который на самом деле никуда не исчез, потому

что им охватываются все варианты тоталитарных идеологий Модерна от крайне левых до крайне правых. И все соответствующие режимы вполне укладываются в этот тип, но другой вопрос, что все они обречены на вырождение вместе с самим Модерном. Человеку можно внушить, что он лишь элемент в космической иерархии и должен жертвовать собой ради сверхъестественного. Человеку также можно внушить, что он лишь атом в бездушной вселенной и никому ничего не должен. Но внушить человеку, что ничего сверхъестественного не существует и он лишь эволюционировавшее животное, а при этом почему-то должен жертвовать собой ради виртуальных ценностей – совершенно невозможно.

В своем политическом измерении христианский персонализм обладает одним кардинальным преимуществом перед всеми иными идеологиями – в нем абсолютно отсутствует утопическое начало, свойственное всем революционным и прогрессистским идеологиям, но присутствует оправдание индивидуального творчества и социального проектирования, в отличие от многих консервативных идеологий. Христианство в принципе несовместимо ни с какой утопией, потому что не допускает сущностного изменения человеческой природы – человек всегда остается человеком, а все несовершенство общества объясняется грехопадшим состоянием этой природы, которая может преобразиться только в результате личного духовного пути навстречу Богу, а не в результате каких-либо механических социальных экспериментов.

В грехопадшем мире никакой рай невозможен, а Царство Божие наступит только после Страшного Суда и только для спасенных. Но из этого антропологического пессимизма и апокалипсического понимания истории вовсе не следует призыв к созерцательному недеянию и отказ от прогресса как такового. Именно потому, что человек это личность, то есть образ Божий, он призван к творчеству и сотворчеству, к деятельному совершенствованию самого себя и окружающего мира. И это только одно из многих преимуществ христианского политического персонализма в сравнении с его идеологическими альтернативами.

При первом приближении политическая философия христианского персонализма отражена в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Архиерейском Соборе 2000 года. Можно сказать, что социальное богословие нашей Церкви до сих пор развивается именно в этом русле. Вместе с этим стоит вспомнить, что для России в Православном Христианстве заложен не только мировоззренческий фундамент ее культуры, но и основной смысл ее истории, поскольку после падения Византии в 1453 году именно Россия унаследовала миссию православной империи, то есть миссию Третьего Рима.

И в наше время именно от России зависит миссионерская судьба Православия во всем мире, а следовательно, и спасение всех людей в единственно

истинной Церкви. Соответственно, и сама Русская идея может быть ни чем иным, как философской и идеологической проекцией православного вероучения, непосредственно следующей из его основ, без каких-либо гибридных вариаций и девиаций. Единственным реальным претендентом на роль такой проекции остается только православный персонализм, осмысленный, осознанный и выстраданный всей историей русской православной мысли.

Моральный интеллект против интеллекта логического. *Об одной из ключевых проблем когнитивистики*

Владимир Анатольевич Лепехин,
*директор института ЕврАзЭС,
член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня»,
координатор Дискуссионного клуба ВРНС, кандидат философских наук*

Соперничество ведущих стран за лидерство в сфере развития искусственного интеллекта может привести к третьей мировой войне, заявил глава компаний Tesla Motors и SpaceX Илон Маск [1].

Американский бизнесмен отметил, что боевые действия начнут не правительства стран, «а одна из систем с искусственным интеллектом, если она решит, что превентивный удар – это наиболее вероятный путь к победе». Так Маск прокомментировал сентябрьское (2017 г.) высказывание президента России Владимира Путина о том, что «властелином мира» станет тот, кто добьется превосходства в сфере создания интеллектуальных компьютерных систем [2].

Автор этих строк давно занимается проблемой искусственного интеллекта в той ее части, которая касается не технологической, но гуманитарной стороны вопроса. С моей точки зрения, рассуждать о перспективах «победы» в борьбе различных интеллектуальных компьютерных систем (ИКС), а также самой глобальной ИКС с человеком можно исключительно в контексте понимания сущности и возможных последствий так называемых когнитивных войн.

Что такое когнитивная война и как ее предотвратить

Ответ на сформулированный в заголовке этого раздела вопрос был дан автором в статье «Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить», опубликованной в апреле 2016 года [3]. И речь в ней идет не только о фальсификаторах истории.

Споры о тех или иных исторических событиях давно вышли за рамки дискуссий между историками. Например, фальсификация истории Великой русской революции или же Второй мировой войны является важнейшим направлением когнитивной войны против России, так как касается основы основ западной и российской цивилизаций – их сущностей.

Сегодня российские медиа – преимущественно под влиянием извне – все активнее вовлекаются в гибридную гражданскую войну, что разводит журналистов по разные стороны политико-мировоззренческих баррикад. Но как избежать раскола российской прессы и превращения одной из ее частей из

важнейшего института народовластия в информационную службу российских и зарубежных олигархических групп? Полагаю, что для начала нужно переосмыслить роль СМИ в современном мире и посмотреть на этот институт не только с позиций «четвертой власти», но также в контексте глобализации мира и разворачивающейся (в том числе и против России) мировой когнитивной войны, то есть войны знаний и смыслов, которая не сводится к взаимным информационным атакам противоборствующих сторон. Одно из ключевых направлений современной когнитивной войны – внедрение новых образовательных стандартов и технологий.

На той же Украине, к примеру, удалось внедрить систему образования, основанную на полной трансформации гуманитарных наук. Еще в середине нулевых годов автор этих строк публиковал критические статьи по поводу содержания украинских учебников истории, в которых не было такого важнейшего понятия, как «Великая Отечественная война».

Замена школьного учебника истории агитационным материалом стала одной из причин образовательной катастрофы на Украине. В этой стране выросло целое поколение людей, не просто не знающих мировой и отечественной истории, но воспитанных на квазиисторической ереси, из которой впоследствии вырос неонацизм. И похожие явления – наполнение образовательного процесса лжеценностями и псевдознаниями – наблюдаются сегодня во многих постсоветских странах.

Украинский опыт показывает, что центры организации войны смыслов в иерархии мирового глобального управления находятся над центрами информационной войны, ибо их предмет – стратегии мирового развития, в то время как главной задачей СМИ становится информационно-коммуникационное обслуживание интересов этих центров. Встроены или встраиваются в эту систему, так или иначе, и многие российские СМИ и научные институты. Веб-сайты и интернет-сети, контент и программный продукт в большинстве своем принадлежат зарубежным компаниям. Более того, источники и средства массовой информации и коммуникации монополизированы и, если объективно оценивать их роль в современной информационной войне, находятся на стороне геополитических противников России.

Сегодня в России нет, пожалуй, такого молодого человека, который бы не использовал в качестве поисковика Google. Между тем, по утверждению известного журналиста Джулиана Ассанжа, этот поисковик тесно сотрудничает с силовыми структурами США [4]. И такой глобальный ресурс незаменим в когнитивных войнах, так как позволяет не просто информировать пользователей, но формировать сознание миллионов и миллиардов людей на всех континентах. Я уже не говорю про Facebook, Twitter или YouTube, мировых монополистов в своих форматах подачи информации или дезинформации. Редакции названных сетей не только контролируют проходящую через них информацию,

обладая возможностью и правом банить любые аккаунты, но также могут встраивать в трафик любые информационные материалы без уведомления об этом пользователей.

Могут ли российские элиты, власть, общество и отечественная журналистика противопоставить что-либо глобальным информационным монополиям, поднявшимся на уровень средств массового поражения в мировой когнитивной войне? Полагаю, что могут.

Первый шаг в этом направлении я уже назвал: рассмотрение интеллектуальных процессов в глобальных контекстах и дискурсах. Вторым шагом должно стать формирование новой (но основанной в том числе и на советском опыте) и контролируемой государством системы образования. Третьим шагом, полагаю, должна стать выработка новой философии современной российской журналистики [5].

Понятие морального интеллекта. Его превосходство над интеллектом логическим

Когнитивная война не может быть эффективной без опоры на новые и совершенные технологии. Технологическая сторона вопроса – это и возможность обработки больших массивов информации с максимальной скоростью, и выход ИКС (искусственного интеллекта), в конечном счете, на уровень самостоятельного принятия решений.

В статье «Искусственный интеллект уже норовит выскочить из коробки» автор этих строк заметил, что развитие технологий когнитивной (информационной, концептуальной, образовательной и иной) войны достигло такого уровня, что впору говорить о создании нового супероружия: «информационное супероружие уже действует. И оно уже убивает (пока в основном морально-психологически) неугодных транснациональной олигархии пользователей интернет-сетей» [6].

В таких условиях серьезного анализа требуют взаимосвязи и балансы: во-первых, контента (смысловой стороны когнитивных процессов) и технологий, а во-вторых, – уже в самом контенте – логического и ценностного.

То есть, превосходство в сфере создания интеллектуальных компьютерных систем еще не гарантирует создателю и владельцу передовых ИКС реального геополитического лидерства, поскольку таковым может оказаться геополитический субъект, обладающий **моральным** превосходством.

К сожалению, подобных нюансов не понимает ни Илон Маск, ни иные политики и бизнесмены, стоящие на техноцентрических позициях. А между тем, современная западная цивилизация и ее лидер (США) стремительно слабеют и уже не могут решать многие мировые вопросы при помощи хвальной «мягкой силы». Новое же супероружие – «умная сила» пока не эффективно из-за

недостатка у современной американской плутократии не только логического, но и **морального** интеллекта.

Логическое (суть научное) мышление – важнейшее преимущество современного Запада. Это та рамка коллективного ноосферного бессознательного, которая пока что удерживает человечество в рамках выживания, не дает ему утратить берега исторически сформировавшихся алгоритмов самовоспроизводства. Однако же ключевые геополитические субъектности современного мира, то есть, прежде всего, все тот же Запад, одновременно стремятся разрушить пределы логического в пользу эгоистического и утилитарного интереса правящего меньшинства.

Как результат – практически все современное знание приходит в состояние системного кризиса и сопутствующего ему возмущения в подлинно научной среде. На передовой протеста – логики, социальные философы и антропологи, поскольку формирующаяся **система антизнания**, становясь мировоззренческим мейнстримом, бьет, в первую очередь, по ним: потребительские ценности и обслуживающие интересы тотального рынка квазиидеологии в принципе не совместимы с законами когнитивистики.

Научное знание оказалось в зоне риска: неолиберальная мегаидеология, превратившаяся в новую светскую религию, стала для него глобальной угрозой. Вот почему в научном сообществе зреет бунт против примитивизации знания о мире. В этом сообществе формулируется задача вырваться как из-под спуда монетаристских субидеологий, так и из-под глыб информационного мусора. И главным мотиватором научного бунта становится **моральный** интеллект.

Западный мир слишком сосредоточен на высоких технологиях. Инновации и еще раз инновации в NBIC направлениях – на них рассчитывают многие западные политики, полагая, что мировое лидерство (в первую очередь, технологическое лидерство) США и Европы – это панацея от всех проблем. На самом деле, высокие технологии материального мира – далеко не всё, когда речь заходит о необходимости планетарного выживания. Более того, без переосмысления планетарной миссии человека и различных аспектов бытия его духа, без очередного планетарного антропологического переповорота [7] и постановки под нравственный контроль искусственного интеллекта человечество окажется неспособным обеспечить такое развитие технологий, которое бы пошло на пользу планете. **Напротив: развитие технологий при одновременной дегуманизации общества (превалирование материального и телесного над духовным – ее ключевой тренд) становятся главной угрозой для планетарного антропофактора.**

Развитие технологий стимулирует новые гибридные войны, поскольку подстегивает развитые страны к захвату новых активов и переделу мира. Однако в войне, как показывает опыт, не всегда побеждают те, у кого больше танков

и самолетов, и даже не те, у кого имеется конкурентоспособный интеллект. Здесь важен еще и дух и как «партнер» его – интеллект моральный.

Интеллект – это более совершенные, чем у противника, вооружения, в то время как Дух – несет в себе потенциал, дающий возможность той или иной нации воевать сверх того, на что способен противник. В случае с противостоянием транснациональной олигархии – способность воевать не за деньги. Так вот, при всей инерции движения США и Европы к высотам самых современных и суперпрогрессивных технологий, в гуманитарной сфере западных стран, повторяю, наблюдается регресс. Отказ монетаристов от поддержки гуманитарного знания, которое открывает людям глаза на то, как устроено современное общество и каковы его перспективы, возвращается в западные страны бумерангом их десоциализации.

Ложь о прошлом, моральная и информационная деформация настоящего и приукрашивание будущего – вот чем живет современный западный мейнстрим, отвергающий факт наличия социальных законов [8].

Замечу, что сегодня на Западе обесценивается не только гуманитарное знание, наблюдается отказ от авторитета науки и логических аксиом. Западная цивилизация стремится избавиться и от веры, вот уже два тысячелетия формулирующей ценностные аксиомы.

В стремлении противопоставить традиционным религиям и фундаментальной науке **религию денег** и науку управлять миром через деньги, демиурги нового планетарного порядка ввергают весь мир в хаос контрреволюций – низвержения человека и человечества с их заслуженных пьедесталов и возвращения их в архаику – к сознанию и морали пещерного человека.

В ходе этого процесса гомо сапиенс неизбежно становится трансгендером и мечтает о «размножении» методом клонирования. Божие создание уступает место продукту рук человеческих и все больше – роботам и искусственному интеллекту.

Взяв на себя функцию Бога, западные биотехнологи и их спонсоры вынуждены уничтожать проявления Божественного как конкурентной по отношению к себе сущности. Отсюда – тотальная христианофобия, предполагающая не только отказ западного общества от традиционных ценностей, но и стирание христианства из исторической памяти народов Запада.

Судя по всему, в намерения мирового гегемона входит то, чтобы в ближайшие годы в мире осталось только псевдо-, квази-, альтер- и антихристианские культы. Традиционные христианские конфессии целенаправленно подменяются сектами, христианскими по форме, но «постмодернистскими» по содержанию. Однако в эти же планы входят, судя по всему, намерения превратить и мировую гуманитарную науку в квазинаучные секты, «научно» обосновывающие конкретные идеологические и потребительские установки.

В такой ситуации Духу и Интеллекту сегодня следует объединиться в противостоянии с бездушием (вульгарным материализмом и утилитарным прагматизмом, претендующим на новую мировую идеологию) и взращиваемым на базе этого бездушия искусственным интеллектом, лишенным морали.

Моральный интеллект – вот тот феномен, ради утверждения которого научное сообщество и религиозные деятели должны начать совместное движение к общей цели.

Наличие у России уникальных космических и ядерных технологий позволяет ей сохранять государственный суверенитет и высокий статус в мировой политике. И поскольку наша страна до сих пор не вышла из кризиса целеполагания, ей не остается ничего иного, кроме как рассчитывать на прорывы в технологиях. Вместе с тем, если говорить о завтрашнем дне нашей страны и мира, технопроекты, обеспечивающие тем или иным странам суверенитет и конкурентоспособность, не должны сводиться к обеспечению лидерства исключительно в технологически передовых сферах. Технологии никогда не были выше Духа. Они всегда развивались бок о бок с ним. Передовые идеологии – неизменная предпосылка любых промышленных революций и наоборот: развитие технологий предопределяет формирование новых идей. **И для того, чтобы Россия стала подлинно суверенной страной, ей мало лидерства в тех или иных отраслях экономики. Она нуждается также в интеллектуальном и моральном лидерстве.**

Человечество подошло к пределам своего индустриального и иного роста, отсюда и разговоры о необходимости перехода Запада к новому технологическому укладу. Между тем этот переход невозможен без пересмотра всей, абсолютно всей системы господствующих в мире экономических, политических и иных взглядов.

Мир нуждается в принципиально новой антропоцентрической философии, как основе любого решения и действия на планете Земля.

В одном из своих научных докладов автор этих строк предложил технологию развития в России так называемых LAMF-технологий (Logic Analyst Methodologists Futurology [9]). Полагаю, что погружение гуманитарной науки в пространство названных технологий и приоритетное развитие тех гуманитарных наук, которые имеют прямое отношение к прогнозированию и проектированию будущего при одновременном антропоцентрическом подходе не менее, а на самом деле более важно, чем развитие NBIC-технологий.

Сегодня массовый потребитель в лице, прежде всего, правящих элит технологически развитых стран, разрушая экосистему планеты, добрался до «пожирания» антропосистем. И в ближайшие годы, видимо, никто не сможет остановить этот процесс. Впереди у человечества, похоже, – новые темные века, в которые оно погружается, увы, бодро и с песнями о «новом дивном мире», наполненном «свободным выбором» и «постхристианским гуманизмом»,

являющимися, на самом деле отрицанием Веры и антропоцентрических ценностей.

Таков контекст, в котором разворачивается драма современной науки и ее творения – искусственного интеллекта.

[1] Илон Маск рассказал о вероятной причине начала третьей мировой войны // РИА Новости, 04.09.2017. – Эл. доступ: <https://ria.ru/technology/20170904/1501745841.html>

[2] Путин считает, что лидер по созданию искусственного интеллекта станет властелином мира. – Эл. доступ: <https://russian.rt.com/nopolitics/news/425263-putin-iskusstvennyi-intellekt-vlastelin-mira>

[3] *Лепехин В.А.* Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить. // РИА-новости, 29.04.2016. – Эл. доступ: https://ria.ru/zinoviev_club/20160426/1420518962.html

[4] *Ассанж Джулиан.* Google Is Not What It Seems. – Эл. Доступ: <https://wikileaks.org/google-is-not-what-it-seems/>

[5] Основные принципы новой философии современной российской журналистики были представлены автором этих строк в нескольких докладах на мероприятиях, организованных Московским союзом журналистов, в том числе – в ходе круглого стола, проведенного Союзом журналистов Москвы и названного так: «Философия национальной журналистики России: опыт прошлого и стратегия будущего». См.: <http://ujmos.ru/filosofiya-natsionalnoy-zhurnalistiki/>

[6] *Лепехин В.А.* Искусственный интеллект уже норовит выскочить из коробки // РИА Новости, 02.08.2017. – Эл. доступ: <https://ria.ru/analytics/20170802/1499605510.html>

[7] О теории антропологических переворотов см.: *Лепехин В.А.* Антропологический переворот в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. № 2, 2016. С. 116–124.

[8] См.: *Лепехин В.А.* Принцип секретной диктатуры: как доказать любую ложь // РИА Новости. – Эл. доступ: <https://ria.ru/analytics/20170410/1491903808.html>

[9] *Лепехин В.А.* Бунт логического мышления и насущность развития морального интеллекта // Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии. – М.: Канон+, 2017.

Нужна ли России метафизика?

Никита Александрович Соловьёв,
*ведущий научный сотрудник Лаборатории квантовой
когнитивистики и интеллектуальных систем Санкт-Петербургского
национального исследовательского университета информационных
технологий, механики и оптики, кандидат физико-математических наук*

Введение

Разговоры о России как обособленной цивилизации только тогда будут восприниматься всерьез, когда будут определены метафизические основания ее бытия. Конечно, каждая современная цивилизация должна обладать адекватным технологическим базисом и научным потенциалом. Но в конечном счете одна цивилизация отличается от другой наличием самобытного мировоззрения и метафизики. В современном профанном общественном сознании укоренилась мысль о том, что естественные науки являются достаточным основанием для объяснения мира и человека, и что рано или поздно при помощи технологий будет реализована мечта человека о создании гармоничного общества. Отчасти это верно. Но лишь отчасти... Само по себе развитие технологий не решает проблем человеческого бытия, человеческого измерения, которое, в конечном счете, и определяет развитие цивилизации. Кроме того, развитие технологий таит в себе много опасностей. Происходит своеобразный отрыв технологий от человека, они становятся важнее человеческой личности и его свободы. Человек становится лишним в созданном им самим мире умных машин.

Естествознание

Основным ядром современного научного знания являются естественные науки и прежде всего – математика и физика. Они описывают и объясняют окружающий мир при помощи логических схем, которые обычно облекаются в математическую форму. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что в прошлом веке естественные науки были сконцентрированы на изучении неживой природы, а в XXI веке фокус сместился на науки о жизни: биологию, нейробиологию, социологию и т. п. При этом, однако, научное сообщество не до конца осознало всю фундаментальную сложность данного перехода. Дело в том, что современные естественные науки пытаются объяснить живую природу на базе привычных подходов, основанных на ее описании с помощью

физических законов, которые ранее применялись для описания неживой природы. С точки зрения физика такой подход понятен, поскольку любой живой организм является физической системой. Большинство физиков считает, что все трудности связаны со сложностью этих физических систем, и эти трудности будут со временем преодолены. Нужно время, нужны более совершенные физические модели, более мощные компьютеры и т. д. и т. п. Однако иногда всё же и в головы физиков закрадываются сомнения. В конце своей жизни нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург написал статью [1] о нерешенных проблемах физики, в которой выделил три великие проблемы, одной из которых является проблема редукционизма, т. е. вопрос о том, может ли описание живой природы сводиться к физике или нужно еще что-то, чего мы до конца не понимаем.

Гилеморфизм

Если мы попытаемся понять в общих чертах, чем занимается естествознание, то увидим, что оно базируется на идее Аристотеля, согласно которой вещи нашего мира состоят из двуединства формы и субстрата. Это двуединство называется гилеморфным, а идея Аристотеля – гилеморфизмом. Для современной философии и естественных наук гилеморфизм является краеугольным камнем, на основании которого построена вся современная наука. По сути дела, наука занимается развеществлением природы, то есть выделением тех идеальных форм, которые, будучи наполнены субстратом, предстают перед нами в виде реальных вещей. Наука есть знание о формах и субстрате. Она, с одной стороны, изучает способы образования форм, с другой – субстрат, который явлен нам в виде того, что овеществляет идеальные формы, и в виде сил, которые определяют взаимодействие вещей.

Теорема Геделя

Идея редукционизма по умолчанию основана на вере во всеислие логического метода познания мира. Обычно считают, что при помощи логики, на основе законов математики и физики, можно описать и объяснить все мироздание. Однако даже сама математика указывает на ограниченность логики и рационального метода познания. Как известно (см., например, работу [2]), идея всеислия дискурсивного метода описания действительности была похоронена Куртом Геделем, который доказал свою знаменитую теорему (если быть точным – две теоремы) о неполноте. Эта теорема, по существу, указывает на то, что знание о мире мы получаем сначала интуитивно, т. е. при помощи некоего прямого видения [3], а уже затем это знание переводим в дискретные формы языка или математики, или, говоря современным языком, оцифровываем его.

Другими словами, процесс познания, в принципе, является пошаговым: сначала новые формы обнаруживаются интуитивно, потом эти формы оцифровываются и переводятся на логический язык математики, затем обнаруживается недостаточность данного дискретного описания, открываются новые формы, снова оцифровываются и т. д. Ярким примером этого процесса является развитие физических представлений о мире. Как известно, основы физики заложил Ньютон, который открыл и сформулировал законы классической физики. Позже оказалось, что их недостаточно для описания всей совокупности экспериментальных данных. Были открыты и сформулированы законы квантовой механики и теории относительности. Важно понимать, что ни законы классической физики, ни законы квантовой механики и теории относительности логически ниоткуда не следуют. Они были открыты интуитивно и переведены на язык математики. А последующая экспериментальная проверка показала их соответствие с реальностью.

Картезианский дуализм

На нынешнем этапе своего развития наука подошла к принципиально новому моменту, когда, согласно логике теоремы Геделя, нужно обновить аксиоматику, т. е. изменить саму парадигму научного знания. Это связано с тем, что наука начала активно изучать сознание человека и его связь с телом, а точнее, с мозгом. И здесь нам следует вспомнить, что европейская наука обязана своим существованием не только Аристотелю, но и Декарту, который, собственно говоря, и заложил основы рационального метода познания окружающего мира. Ударение обычно делается именно на рациональной части учения Декарта, которая резонирует с рациональной частью личности современного человека. Однако учение о рациональном способе познания реальности – только одна половина учения Декарта. Вторая половина связана с его учением о душе. Именно учение о теле, душе и их взаимодействии и составляет суть его философского учения, которое впоследствии получило название картезианского дуализма, т. е. дуализма человека, состоящего из души и тела. Знаменитое декартовское *Ego cogito, ergo sum* [4] («Я мыслю, следовательно, существую»), современный человек понимает очень поверхностно: если я мыслю, то я существую. В этом варианте мысль является необходимым условием существования человека как человека. Однако этот тезис Декарта гораздо глубже. Он утверждает, что любой мыслительный акт обнаруживает истинного субъекта, его нематериальное *ego* или Я, которое и наблюдает эти мысли. Собственно говоря, в этом и состоит ядро философии Декарта. И если мыслительный процесс связан с работой материального мозга, что доказала современная нейробиология, то Я не является материальным объектом. Мозг, в котором отображаются объекты окружающего мира, является материальным объектом,

в котором содержится и обрабатывается информация о материальном мире. Процессы записи информации в мозге и ее обработки могут быть описаны на языке физики и математики, которые специально приспособлены для описания гилеморфных объектов. Но субъективный акт наблюдения и осознания этой информации не может быть описан в рамках гилеморфной парадигмы и современного естественно-научного догмата. Для наблюдения и осознания нужно нематериальное Я, существование которого заставляет нас перейти от идеи гилеморфного двуединства к идее человека как тринитарного единства «Я – форма – субстрат».

Критика картезианского дуализма

Картезианский дуализм был основой философского дискурса вплоть до середины XX века. Последним из великих, понимавшим его суть был, по-видимому, Мартин Хайдеггер, который в работе [5] следующим образом комментировал декартовскую формулу *Ego cogito, ergo sum*: «Представляющее Я гораздо более *существенным* и необходимым образом представляется в каждом “я представляю” *вместе* с ним, а именно как то, при чем, против чего и *перед* чем выставляется всякое представляемое». Однако во второй половине XX века успехи нейробиологии, т. е. науки о мозге, как гилеморфном объекте, переключили внимание исследователей на процесс мышления, как на процесс обработки информации. Стало казаться, что всю личность человека можно свести к информации, содержащейся в мозге. К идеям Декарта стали относиться скептически, а известный американский философ Дениел Деннет даже ввел презрительный термин «картезианский театр» [6], который намекает на несостоятельность идей Декарта. Деннет является приверженцем предельного философского примитивизма, отвергающего вообще всякий намек на внефизическую реальность, на все, что отличается от гилеморфных вещей. В естественнонаучном сообществе идеи отрицания нематериальной составляющей в человеке превалируют до сих пор, однако в философской среде начался некоторый откат назад. Так, Дэвид Чалмерс сформулировал так называемую трудную проблему сознания, которая по существу есть возврат к идеям Декарта, однако в очень усеченном виде. Чалмерс обратил внимание на тривиальную вещь: на то, что содержание сознания, которое наблюдает человек внутри себя, нематериально. А вся трудная проблема сознания сводится к разрешению вопроса, как материальные процессы в мозге преобразуются в нематериальное содержание сознания. При этом, однако, проблема нематериального Я, которое наблюдает за нематериальным содержанием сознания вообще выпала из поля зрения современной философии. Одной из причин для этого является тезис о том, что разные субстанции, которыми являются нематериальное Я и тело, не могут взаимодействовать. Однако при детальном рассмотрении это

утверждение не является сильным аргументом против интерактивного дуализма, поскольку фундаментальная идея гилеморфизма тоже основана на взаимодействии, а точнее, на неслиянном двуединстве идеальной формы и овеществляющего ее субстрата. Применяя эту логику к дуализму «Я – тело», мы можем утверждать, что человек является неслиянным триединством «Я – форма – субстрат».

Свобода воли

Выше мы говорили лишь об одном аспекте учения Декарта – о том, что гилеморфные объекты окружающего мира отражаются в мозге и воспринимаются нашим Я в некоем нефизическом пространстве. Однако картезианский дуализм утверждает также и возможность управления телом со стороны нашего нефизического Я. Именно поэтому в современной литературе учение Декарта называют интерактивным дуализмом, где душа и тело оказывают взаимное влияние друг на друга. При этом вторым объектом критики учения Декарта является именно та составляющая интерактивного процесса, которая связана с воздействием нефизического Я на материальное тело. Смысл этого влияния совершенно прозрачен: оно связано с понятием свободы человека, когда истинный субъект, душа, или Я осуществляет управление телом. Таким образом, критика интерактивного дуализма, по существу, направлена на отрицание свободы воли у человека. Как такое могло случиться и в чем суть данных возражений? Конечно, критика дуализма не лишена оснований. Острие этой критики направлено на то, что существование свободы воли у человека противоречит классическому детерминизму, согласно которому у каждого следствия существует только одна причина, или любая причина имеет только одно следствие. Другими словами, если все действия человека как физической системы детерминированы и подчиняются законам классической физики, то человек не имеет свободы. Его Я не может вмешаться в эволюцию физической системы под названием «человек», а если такое вмешательство произойдет, то нарушатся законы физики. Эти рассуждения справедливы, если они относятся к классической физике и системам, которые ей подчиняются.

Квантовая причинность

Однако физическая реальность не ограничена законами классической физики. В настоящее время среди физиков общепризнанной является точка зрения, согласно которой физическая реальность живет по законам квантовой механики. Одним из фундаментальных отличий квантовой механики от классической является то, что эволюционная история квантовой системы имеет точечные ветвления, которые определяются наличием у системы многовариантного

мира потенциальных возможностей. Другими словами, у квантовой системы имеются различные альтернативы для эволюции, а выбор этих альтернатив скачкообразно происходит под действием внешних и внутренних факторов. Мир потенциальных возможностей системы описывается ее волновой функцией, а процесс выбора альтернатив называется коллапсом волновой функции системы. Важно отметить, что квантовая причинность соединяет в себе детерминизм с индетерминизмом: детерминистическая эволюция системы описывается уравнением Шредингера, а индетерминистический выбор альтернатив матричным формализмом Гейзенберга. В квантовой механике индетерминизм является принципиальным моментом и описывается вероятностным образом. А именно, в каждый момент времени система может скачком перейти в новое состояние из мира потенциальных возможностей, причем рассчитать можно только вероятность перехода в то или иное состояние, но никогда нельзя точно сказать, в каком состоянии окажется система. Понятно, что эта логика может объяснить феномен свободы воли. Действительно, если физическая система под названием человек является квантовой, то у нее имеется мир потенциальных возможностей или различные альтернативные состояния, в которые эта система может перейти. При этом внефизическое Я может осуществлять выбор этих альтернатив и переводить тело в различные новые состояния без нарушения законов физики. По сути дела, Я управляет вероятностями, точнее, выбирает разные вероятностные состояния. Однако внешний наблюдатель не может это обнаружить, он видит некий вероятностный выбор, который хорошо укладывается в наши обыденные представления о поведении человека и логику квантовой парадигмы [7]. Этот вероятностный выбор обнаружен в психологических экспериментах Тверского и Канемана [8], которые были объяснены значительно позже с использованием квантового формализма [9]. Однако нерешенной остается физическая проблема, связанная с тем, что физики не понимают до конца, как макроскопический объект под названием человек можно описывать при помощи квантовой механики, поскольку макрообъекты теряют свои квантовые свойства.

При чем здесь Россия?

Спустимся теперь с метафизических небес на землю и попытаемся понять, какое отношение описанные выше метафизические проблемы, имеют к России? Ответ на этот вопрос очевиден: проблема свободы личности является ключевой в политической повестке дня любой страны, а тем более России, которая, с одной стороны, ищет новые демократические пути развития, с другой – подвергается внешнему геополитическому давлению. Проблему свободы личности, как мы видели выше, нельзя решить без новой метафизики в рамках существующей философской парадигмы. Более того, мы даже не можем точно

сказать, что такое человеческая личность, поскольку человек состоит из тела и нематериального Я. Его генетические особенности и наработанные привычки записаны в теле, его история записана в мозге, как части тела, но центром личности является нематериальное Я, которое, в конечном счете, осуществляет осознанный выбор. В православной традиции, с которой связана тысячелетняя история России, нематериальное Я называется умом. Ум является центром души, ее глазом [10].

Важно отметить, что в православной духовной традиции свобода является главным даром Бога человеку. С метафизической точки зрения эта проблема состоит в том, что человек, будучи образом и подобием Бога, приведен в бытие нетварными божественными энергиями и имеет свое бытие только благодаря им. Эта доктрина в настоящее время носит название панентеизма и берет свое начало от Дионисия Ареопагита, Григория Паламы и русской метафизики Всеединства Владимира Соловьёва, Семена Франка и др. Согласно Григорию Паламе [11] «...Бог есть и называется естеством всех существ, ибо все являются Его причастниками и образуются Его причастием; не причастием Его естества, да не будет, но причастием Его энергии». Это означает, что человек, приведенный в бытие божественными энергиями, становится автономной личностью в акте своеобразного отчуждения от Бога. В этом акте человек и обретает личную свободу, которую он должен, однако, использовать для осознанного служения Богу, благодаря Которому он и существует. Таким образом, свобода личности является в православной традиции высшей ценностью, а православный христианин истинным либералом, в метафизическом смысле этого слова. В традиции русского Православия говорится о том, что Россия является Третьим Римом, где продолжается духовная традиция Византии. Отсюда и вытекает тезис о России как особой цивилизации, одним из краеугольных камней которой является идея свободной личности. При этом, однако, мы должны понимать, что вторым основанием Русской цивилизации является идея служения Богу, истине и добру, которое совершается в смирении перед Богом и в любви к ближнему. Эти две внешние идеи свободы и смирения составляют ядро Русской цивилизации, которая для человека другой цивилизационной идентичности кажется непонятной, противоречивой и иррациональной: добродушная и смиренная Россия, которую, кажется, можно легко прибрать к рукам, вдруг становится грозным богатырем, когда чувствует угрозу своей независимости и духовной свободе. Эти две тенденции должны учитываться и во внутренней политике. С одной стороны, человек Русской цивилизации имеет смирение и живет в рамках государственной иерархии, с другой стороны, он не будет долго терпеть власть, которая лишает его свободы. В некотором смысле, свобода человека есть проявление и действие Духа: уничтожьте свободу, Дух уйдет и общество погибнет.

Научно-технологический прогресс

Современная цивилизация бросает человеку очень серьезные вызовы, имеющие сугубо метафизическую природу. Одним из таких вызовов является развитие интеллектуальных систем, которые в идеале должны оказывать человеку помощь в его жизнедеятельности. Если на заре научно-технологической революции машины выполняли механическую работу, то на современном этапе развития цивилизации машины начинают вытеснять человека из интеллектуальной сферы. Прогресс в развитии компьютерной техники и интеллектуальных систем впечатляет. В ближайшем будущем ожидается создание квантового компьютера, который будет работать на тех же принципах, на которых работает и мозг человека. Если в настоящее время классический компьютер имитирует дискурсивное мышление человека и превосходит мозг человека по точности и скорости вычислений в цифровом режиме, то квантовый компьютер будет способен имитировать работу мозга в части образного мышления. Технологические успехи на пути создания искусственного интеллекта таят в себе метафизические опасности, связанные с очеловечиванием компьютера и расчеловечиванием человека. Эти опасности заключаются в том, что современный человек утратил ощущение своей живой души. Идентифицируя себя с мыслями и информацией, записанной в мозге, человек приравнивает себя к неживой машине, лишая себя личностного начала, центром которого является нематериальное Я, или ум. Уже сейчас ведутся глубокомысленные дискуссии [12] на тему существования сознания у мобильных телефонов и других технических устройств, оперирующих информацией. Игнорирование глубоких метафизических различий между человеком и вычислительными устройствами чревато передачей им человеческих полномочий и расчеловечиванием человека. Развитие России как отдельной цивилизации, метафизическим ядром которой является идея сохранения и развития свободных человеческих личностей, требует глубокого осмысления и учета метафизических аспектов развития технологий искусственного интеллекта с целью сохранения достоинства человека.

Сетевые технологии

На современном этапе развития интернета и сетевых интеллектуальных систем появляется возможность целенаправленного изменения состояния общества как целого и манипулирования общественным сознанием, что, по сути дела, ведет к потере личной свободы. Эти возможности связаны с тем, что, как указывалось выше, человека можно рассматривать как квантовую систему, а общество как совокупность квантовых объектов, проявляющую свойства квантового генератора или лазера [13], [14]. Это сравнение, отдающее научной фантастикой, относится к широко известному эффекту толпы, когда

внутри возбужденной группы людей происходит усиление некой случайной флуктуации или внешнего затравочного сигнала, переводящего толпу в новое состояние или, говоря физическим языком, к новому аттрактору данной неравновесной системы. Потеря личной свободы в данном случае связана с эффектом, аналогичным эффекту стимулированного излучения, когда возбужденный атом излучает квант под воздействием другого резонансного кванта, пролетающего мимо. В случае социального лазера, человек принимает решение и с легкостью меняет свое мнение под воздействием мнения окружающих его людей. Этот эффект напоминает лавину, что как раз и является аналогом возникновения генерации лазерного излучения в возбужденной неравновесной среде. Описанный процесс, с одной стороны, может представлять опасность для общества, если он имеет деструктивную природу, с другой – ограничивает свободу отдельной личности, подчиняя ее обезличенной воле толпы.

Заключение

Возрождение России как самодостаточной цивилизации, помимо развития современной технологической базы, требует создания новой метафизической доктрины, ясно определяющей место человеческой личности во Вселенной вообще и в современном машинном мире в частности. Эта метафизика должна соединить в себе выводы современных естественных наук и собственно метафизики, которая возвышается над двумерным материальным гилеморфизмом и исследует проблемы человеческой личности, сознания, свободы воли и т. п. Важнейшие требования к данной метафизической доктрине состоят в том, что она должна, во-первых, адекватно описывать объективную реальность, во-вторых, соответствовать ментальной архитектуре нации, сформированной за ее тысячелетнюю историю. Первое отличает метафизику от идеологии, второе делает нацию независимой.

[1] Гинзбург В.Л. Успехи физических наук. Т. 169, № 4, 1999. С. 419–442.

[2] Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя. Историко-математические исследования, вторая серия, вып. 5 (40), 2000. С. 26–56.

[3] Позднелат. *intuitio* – «созерцание», от глагола *intueor* – пристально смотрю.

[4] Декарт Рене. Первоначала философии, 1644, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000534/st000.shtml>

[5] Хайдеггер Мартин. Европейский нигилизм. 1967, <http://nietzsche.ru/look/xxa/europa-nigilism/>

[6] Dennett Daniel. *Consciousness Explained*, Little, Brown and Co, 1991, p. 511.

[7] Соловьёв Н.А., Посадский С.В. Панентеистическая метафизика и квантовая парадигма. – СПб.: НП-Принт, 2014. С. 376.

[8] Tversky A. and Kahneman D. (1983). Extensional versus intuitive reasoning: the conjunction fallacy in probability judgment // *Psychol. Rev.* 90, 293–315.

[9] The Potential of Using Quantum Theory to Build Models of Cognition. Zheng Wang, Busemeyer J.R., Atmanspacher H., Pothos E.M. *Topics in Cognitive Sciences* 5 (2013) 672–688.

[10] *Иерофей (Влахос), митр.* Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 368.

[11] *Палама Григорий, святитель, архиепископ Фессалоникийский.* Сто пятьдесят глав, посвященных вопросам естественнонаучным, богословским, нравственным и относящимся к духовному деланию, а также предназначенных к очищению от варлаамитской пагубы, <http://predanie.ru/grigoriy-palama-svyatitel/book/69152-grigoriy-palama-sto-ryatdesyat-glav/#toc1>

[12] Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, № 10, 2016 http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1500&Itemid=52

[13] *Haven Emmanuel and Khrennikov Andrei.* Quantum social science. Cambridge University Press, 2013.

[14] Ученые планируют предсказывать поведение толпы с помощью квантовой механики // <https://ria.ru/science/20170330/1491132674.html>

Русский мир: ценностные основания и византийские истоки

Александр Владимирович Посадский,
*профессор Смольного университета РАО,
член Экспертного центра ВРНС*

Русский мир предстает как трансконтинентальное пространство и наднациональная общность. Он поликонфессионален и многонационален. Он вбирает в себя Россию, Русское Зарубежье, диаспоры, страны и народы.

Сопричастность Русскому миру означает вовлеченность в бытие Российской цивилизации и русской культуры, соучастие в аксиосфере русской культуры как объединяющем начале Российской цивилизации. Русский мир обретает самоидентичность посредством соотнесения себя с русской (российской) системой ценностей.

Русский мир – явление глобального масштаба. Русский мир – форма участия России в исторических судьбах человечества. Это глобальное измерение, глобальная проекция Российской цивилизации. Русский мир выражает всемирную роль России в началах глобального служения. Он являет Российскую цивилизацию и русскую культуру в лице служения странам и народам.

В русской культуре, во многом благодаря православной традиции, утвердились глубочайшие представления о духовном достоинстве человека. Русское мирозерцание связано с раскрытием образа Божьего в ближнем, познанием собственной личностной глубины и великого достоинства другого, призванного к ответственному духовно-творческому строительству – личному духовному самостоянию. Русской культуре свойственна возвышенная этика достоинства, видящая личное существование соединенным с величием в духовном самостоянии как суверенном творческом развитии. В русле русского мирозерцания народы, будучи союзами свободных персон, личностными сообществами, предстают призванными к суверенному духовному самостоянию – развитию при опоре на собственные творческие силы.

Русское национальное самостояние, в силу объединяющего культуротворческого потенциала русского народа, его объединительной миссии, соединено с созиданием многоуровневой, творчески насыщенной, сложной идентичности, где национальная идея органически интегрируется с цивилизационной. Русское самостояние выражается в творении русской культуры как общероссийском всенациональном деле, формировании России как единого духовного организма, российской цивилизационно-культурной самобытности, России как

многонародного государства-цивилизации. Исторически русское духовно-творческое самостояние имело общероссийское значение, приобрело общероссийский смысл, стало неотделимым от российского. Своей многовековой историей Россия доказала способность к стратегическому национально-культурному и цивилизационному самостоянию, ставшему опорой самостояния государственного – независимого политического бытия страны-цивилизации.

Русское самостояние проявилось в формировании Русского мира как творчески-посреднического, духовно-объединяющего служения России миру. Русский мир выражает Российскую цивилизацию в модусе ее всемирного служения. Русский мир – это живой духовный организм России, служащий своей духовностью всем народам.

Русский мир – доступные всем культурные просторы, пронизанные животворящими энергиями России, русского духа и русской культуры. В Русском мире раскрывается глобальная проекция русского самостояния. Через него Россия предлагает ценности и культурные практики, которые могут быть усвоены многими народами. Его существование свидетельствует, что она обладает необходимыми культурными ресурсами для инспирирования глобального цивилизационного пространства. Русский мир – пространство раскрытия глобального российского миротворческого и культуротворческого потенциала, потенциала русского народа как глобальной нации, выступающей субъектом сложнейших и возвышенных культуротворческих и миротворческих процессов.

Русский мир – пространство отождествления личности и достоинства. Это мир возвышенного духовно-творческого призвания личности, утверждающий ее достоинство. Это мир, содействующий раскрытию и расцвету творческих сил стран и народов, где осуществляется их духовно-творческое самостояние, благополучно раскрываются их созидательные дарования.

Историческая Россия созидалась духом свободы. Русский народ и все народы нашей Родины свободно реализовали призвание к духовному самостоянию. Россия обрела себя подлинным субъектом истории в органическом свободолобии, присущем ее народам. Русский мир, черпая свою духовную энергетику из аксиосферы России, развивается в традициях органического свободолобия. Русский мир – пространство, пронизанное духом свободы. Это свободный мир – мир свободного духовно-творческого самостояния. В жизни Русского мира соучаствуют народы, дорожащие своей свободой и достоинством, готовые отстаивать свое суверенное развитие. Будучи пространством свободы, Русский мир всемерно содействует духовному и материальному развитию народов и стран.

Русский мир зиждется на признании суверенитета в качестве универсальной и фундаментальной ценности.

Русский народ всегда дорожил свободой и достоинством, защищал целостность и независимость избранного пути. Исторически русский народ и народы

России осуществили совместный подвиг отстаивания суверенитета. Они всегда находили достойные ответы тем, кто рассматривал суверенитет нелегитимным, успешно преодолевали различные стратегии наступления на него. Своей историей Россия засвидетельствовала ценность суверенного развития. Российский опыт неопровержимо свидетельствует в пользу созидательного суверенного самостояния.

В пространстве Русского мира ценность суверенитета означает отстаивание образа человека как активного субъекта исторического процесса, как существа, сопряченного духовной свободе, выражаемой в творческом развитии истории и культуры. Ценность суверенитета восходит к образу суверенной личности, обладающего даром свободы творца историко-культурных форм.

Ценность суверенитета соединена с достаточно ясным видением народной жизни. Речь идет о народе, регулирующем собственную природу через пронизанную культурой свободу. Народ как исторический суверен отнюдь не сводим к «толпе одиноких», где инстинкты и эгоистические интересы поглощают свободу и разум. Народ, будучи носителем суверенитета, предстает как единство свободных персон, выступающее творческим хранителем исторически сформированных форм культурной жизни.

Суверенитет, проистекающий из свободного самоопределения народа, воплощает его историю и культурную самобытность. Свободно полагающей свою судьбу, выступающий самоуправляющимся обществом народ является культурной целостностью. Суверенный народ – самобытная культурная общность, охваченная конкретным культурно-историческим проектом воплощения свободы. Ценность свободы неотделима от ценности культурно-исторического творчества. Соучастие в бытии народа подразумевает участие в его культурной жизни. Безусловно, суверенной общей волей обладает народ как носитель культурной идеи, принадлежащий к самобытному культурному миру, призванный к осуществлению осознанной им исторической миссии.

Видение человечества разделенным на самостоятельные народы подразумевает и перспективу единства. Духовное единение осуществляется в кооперации и солидарности национально конкретных сообществ, самобытных народов, взаимодействии неповторимых цивилизационных образований. Между идеей нравственного единения человечества, общечеловеческим суверенитетом и многообразием духовных путей суверенного развития присутствует очевидная связь. Русский мир нормативно исключает попрание прав народов на суверенное самобытное бытие. Важно подчеркнуть, что Русским миром как поощряются и создаются условия для раскрытия различных путей суверенного развития, так и отстаивается общечеловеческий суверенитет, общечеловеческие начала духовно-творческого самостояния.

Русский мир выражает свойственное России архитектурное стремление. Оно состоит в склонности поддерживать и формировать определенный

образ мироздания. При этом речь не идет о конструировании некоей искусственной идентичности. Имеется в виду глубинное раскрытие идентичности общечеловеческой, обнаруживающей себя в различных формах, поддержание и содействие развитию мира как всечеловеческого солидарного космоса в неповторимых конфигурациях, космоса бесконфликтного и многополярного. Подобное архитектурное стремление обуславливает логику бытия Русского мира как российского глобального мегатренда.

Русская культура – культура соборного самоопределения, соборной духовно-ценностной парадигмы. Культуротворческая деятельность русской нации связана с осуществлением ценности соборного бытия. Соборность как образ коммуникации целостных одухотворенных персон глубочайшим образом выражен, с исключительной глубиной раскрыт в русской культуре (что и дает основания говорить о соборности как ее базовой ценностной доминанте). Очевидно, русская соборность вызрела под воздействием Православия, стала итогом творческого наследования византийской культурно-цивилизационной модели.

Соборность – ценность русской культуры, подразумевающая свободное духовное единство личностей, сохраняющее идентичность участников общения. Соборность связана с сочетанием в высшем синтезе индивидуально-личного и общественного начал. Она делает личность проводником духовно-объединяющего начала во вселенной, хранящим уникальное своеобразие ее форм. Проявлением соборности является характерная для русской культуры открытость к восприятию других культурных миров, стремление к их сохранению и творческому освоению, терпимость и согласие в национальных отношениях.

Русская культура обогатила ценностью соборности народы России, пробудила силы соборности в их бытии, выступая в качестве связующего начала для различных культурных миров, последовательно формируя российский культурно-цивилизационный синтез. Присущая русской культуре жизнестроительная ценность соборного единства стала ценностью общероссийской, сделалась духовным основанием Российской цивилизации, организующим самобытное российское культурно-цивилизационное пространство, стала основой устройства российского социокультурного бытия. В силу ценностной доминанты соборности многовековой опыт России связан с мирным освоением огромных пространств, сохранением уникальных культурных традиций, бесконфликтным формированием многонационального государства.

Воплощая в исторической жизни ценность соборности, русская культура объединила культуры различных народов. Именно в этом объединении, по верному замечанию Д.С. Лихачева, и состоит ее историческая миссия. Д.С. Лихачев говорил и об исторической миссии России, которая состоит в том, чтобы служить мостом между народами. Мыслитель совершенно верно соединял историческую миссию России и русской культуры, придавал миссии русской

культуры общероссийский смысл, так как в ходе истории ценность соборной творческой открытости другим культурам стала ценностью общероссийского масштаба.

Русский мир выступает носителем и выразителем исторической миссии России и русской культуры. Он является соединяющим творческим посредником между странами и народами. Он призван служить укреплению взаимопонимания и сотрудничества людей с разнообразными духовными традициями. Это осуществимо в силу пронизанности его пространства интенциями соборности, проявляющимися в терпимости, активном миролюбии, творческой открытости, стремлении к взаимопониманию, духовно-творческому единству с культурными вселенными. Если вслед Д.С. Лихачеву понимать под евразийской идеей взаимообогащающее общение культур Европы и Азии, выступающее основанием политического и экономического сотрудничества, то Русский мир предстает органическим носителем евразийской идеи.

Одна из ключевых особенностей Российской цивилизации состоит в мирном совместном проживании народов. Народы России сообща строили общий цивилизационный дом, вместе отстаивали суверенитет Отечества. Их согласие стало источником духовной силы и материального процветания нашей Родины. Российский опыт многовекового развития включает бесценный опыт проживания народов в согласии, уникальный опыт совместного жизнестроительства. Выработанные в ходе длительного исторического пути миростроительные, миротворческие образы жизни, ставшие традиционными для России, имеют значение как для самой страны, так и для всей планеты. Наша страна может выступать примером многонародного союза для всего человечества. Ее миростроительный исторический путь, будучи прообразом мирового сожительства народов, имеет нормативное значение.

Русский мир – пространство актуализации российских миростроительных образов жизни. Его уверенно можно охарактеризовать как пространство миротворческое, созидающее формы жизни, идеи и ценности, укрепляющие согласие между людьми. Им всесторонне раскрывается присущий России опыт миротворения, что является стратегически важным в целях обретения глобальной стабильности. Речь идет о пространстве миростроительного развития, общепланетарной солидарности и кооперации, которым могут воспользоваться все народы ради достижения миротворческих целей, пространстве, служащем формированию стратегической стабильности и безопасности на планете.

Нельзя забывать, что миротворческие жизнестроительные формы и солидарные образы бытия, распространяемые Русским миром, органически входят в историческую ткань народов. Отчуждение Русского мира от жизни народов и стран оборачивается разрушением миротворческих образов жизни как таковых, содействует усилению напряженности и эскалации конфликтов.

Искусственно навязываемое сужение Русского мира, навязывание процессов дерусификации, умаления русскоязычного культурно-лингвистического пространства сопровождается разрушением миротворческих жизнестроительных форм, трагедиями и катастрофами. Попытки искусственного замещения, посягательства на пространство Русского мира оборачиваются межнациональными конфликтами, войнами, терроризмом и экстремизмом.

Русский мир оппонирует фальсификации миротворческих процессов, с которой сталкиваются страны и народы. Нередко разговорами о согласии камуфлируются катастрофические революции, разрушительные интервенции, рафинированные формы колониализма. Для Русского мира нравственно неприемлемы любые попытки лицемерно прятать за словами о согласии эгоистические интересы, хищнические стремления манипулировать ближним вплоть до его прямого порабощения. Им отстаивается подлинная суть миротворчества, имеющая в виду благо для всех. Обращение к реалиям Русского мира позволяет отличить истинное миротворение от его суррогатов.

Для выявления подлинного образа Русского мира целесообразным представляется обращение к наследию Д.И. Менделеева. В развитии мировой кооперации и солидарности, формировании общечеловеческого единства в многообразии великий ученый усматривал суть прогресса. Наше Отечество он характеризует как мирную Россию. Русский народ как принадлежащий к числу мирнейших. На его взгляд, Россия никогда не имела эксплуатируемой колониальной периферии. Колониальной политике она предпочла мирное сотрудничество и сосредоточение, творческий труд по объединению Востока и Запада, примирению Европы и Азии. «Если мысль о равенстве прав людей в государстве составляет прогрессивный венец XVIII ст., то мысль о равенстве народов и стран составляет один из результатов, завещанных XIX ст. для всех будущих веков...» – писал мыслитель. На его взгляд, наша эпоха призвана к окончательному отвержению представлений о низших и высших народах. «В этом последнем отношении Россия по духу народному и потому, что содержит немало рас иной крови, равно как и потому, что признает по существу равенство всех своих народов, стоит впереди не только перед Китаем, но даже и перед Англией и Соединенными Штатами», – утверждал он. Следуя воззрениям великого ученого, России принадлежит существенная роль в общечеловеческом прогрессе как возрастании солидарности стран и народов при сохранении их уникального своеобразия.

Опираясь на данные Д.И. Менделеевым характеристики ценностного пространства России и путей ее глобального служения, важно указать на подлинно прогрессивный характер Русского мира. Силы Русского мира направлены на укрепление человеческой солидарности и мирной кооперации при сохранении многообразных культурных форм, что составляет сущность прогресса. Русский мир обретает свою прогрессивную цель в глобальном служении мирной

всечеловеческой интеграции при сохранении духовного многообразия. Им нормативно утверждается прогрессивная идея равенства народов и стран, возвышенные духовно-нравственные представления о человеческом достоинстве. Самим своим существованием он свидетельствует о равном достоинстве народов и рас. Русский мир служит опровержению различных форм расизма, колониализма, несправедливого деления народов на цивилизованные и варварские, внедряемой идее о неизбежном противоборстве стран и цивилизаций.

Посредством Русского мира Россия предлагает справедливый, основанный на любви к ближнему, мире и духовном единстве, сценарий глобализации. Он означает воплощение справедливой системы управления глобальными процессами – системы, которая обеспечивает равное участие народов, подотчетна им, решения которой приемлемы для всех. Такой сценарий подразумевает взаимообогащающую межкультурную коммуникацию, сохранение исторически сформированных идентичностей, сложившихся многообразных культурных практик. Он утверждает общечеловеческую солидарность, равное соучастие людей в научно-техническом прогрессе и хозяйственном преобразовании вселенной. Речь идет о ценностной модели глобализации, предполагающей общепланетарный путь, в который вовлечено все человечество, а не только «привилегированные» сообщества.

Россией с исключительной глубиной раскрыто гармоничное сочетание ценности личного развития и ценностей коммунитарных. Такое сочетание (соответствующее идее соборности) – классическая нормативная позиция Российской цивилизации. Историческое определение Россией баланса коммунитарных и персональных ценностей делает притягательной перспективу освоения российских миростроительных принципов странами и народами.

Равновесие между уважением к свободе личности и следованием общему благу, гармоничное соединение заботы об общественном развитии, социально-нормативном порядке с личными идеалами, исторически присущее Российской цивилизации, явлено в Русском мире, что позволяет увидеть его пространство ценностным ресурсом мирового значения.

Русский мир призван к воплощению ценностного синтеза, связывающего ценность социальной общности с вниманием к личному достоинству и свободе в архитектуре глобального цивилизационного пространства. Он придает различным сообществам стимул для творческого раскрытия собственных путей слаженного сочетания, основанного на нормативных принципах социального порядка с утверждением значения свободного развития личности.

Русское национальное самосознание формировалось в неразрывной связи с отстаиванием значения традиционных ценностей и образов жизни, глубинного понимания идентичности. Другие народы русские лицезрели неповторимыми носителями божественных замыслов, призванными к свободно-творческому раскрытию их в истории. В России утвердилось надконтекстуальное и

эссенциалистское видение истории народов. Это означает, что смысл их исторического бытия не может быть сведен к социальным контекстам. Он не есть продукт искусственного субъективного конструирования, но обладает глубинным содержанием, восходящим к фундаментальным духовным ценностям.

Русский мир выступает оплотом традиционной духовности, пространством отстаивания традиционных ценностей и стилей жизни, миром высокой идентичности. Это мир общего культурного понимания, хранящий глубинные представления о природе идентичности человеческих сообществ, отстаивающий питающие идентичность традиционные нарративы. Он выражает не некие слабые, тонкие, бессодержательно-абстрактные идентичности, а идентичность содержательно-насыщенную, сильную и высокую. Такая идентичность требует крепких социальных связей, проявления большой солидарности ради участия в совместном культурном проекте – проекте, объединенном высокими духовными смыслами. Речь идет об идентичности ценностно-насыщенной – наполненной глубинным исторически сформированным духовно-ценностным содержанием. Современному оспариванию путем теоретических конструкций и дегуманизирующих социальных технологий традиционных ценностей и образов жизни, сильной и высокой идентичности Русский мир противопоставляет утверждение их непреложного значения.

Русский мир создает условия для всестороннего раскрытия народно-культурной самобытности. Его пространство хранит духовно-ценностные начала народной жизни. Он укоренен в истории, зиждется на глубинных народно-культурных основаниях, есть форма единства культурной жизни в ее многообразных формах, пространство, выражающее творимые народом в преемственности исторических поколений ценности. Он есть мир народно-исторический. Как таковой он предполагает наличие вовлеченного общества. Речь идет об обществе, созидательно вовлеченном в культурные процессы.

Русский мир – мир, отстаивающий суверенитет права. При этом речь идет об отстаивании правотворчества, укорененного в естественно-правовых (или нравственно-правовых) основаниях. Естественное право выступает нравственным истоком права позитивного, синонимом нравственно-должного в нем, определяет линии его совершенствования. Духовное развитие личности и, в силу сопряженности личностного и социального, общественное единство, одухотворенная солидарность – неоспоримые нравственные принципы, важнейшие составляющие естественного права. С ними необходимо соотнесение любой системы формального законотворчества. Последнее должно быть соотнесено и с народными представлениями об общем благе, вбирающими культурные ценности, традиционную народную духовность и мораль, также выступающими составляющими нравственного права.

Николай Бердяев когда-то справедливо указал на то, что русский народ есть самый коммунарный (от лат. *communitas* – общность, общение) народ

в мире. Вслед за отечественным мыслителем можно определить коммуотарность как устремленность к духовному единению людей, к воплощению идеалов братства. Коммуотарность означает особый тип межчеловеческого общения, которому присущи такие черты как искренность, уважение другого, его восприятие как достойного субъекта диалога, выступающего носителем уникальных ценностей и идентичности. Коммуотарности свойственно глубинное взаимопонимание, обретение духовной родственности и близости в соприкосновении и взаимном открытии друг другу человеческих вселенных. Коммуотарность характерна как для русской культуры, так и для пронизанной русской культурой Российской цивилизации. Коммуотарная этика русской культуры и Российской цивилизации глубинным образом связана с коммуотарностью, имеет коммуотарный характер и смысл.

Русский мир творится как коммуотарное сообщество, жидущееся на принципах коммуотарной этики русской культуры и Российской цивилизации. Коммуотарная этика Русского мира подразумевает уважение духовного достоинства народов, умение увидеть всю глубину и своеобразие их исторических путей, культурного наследия, ментальности и идентичности. Она означает взаимодействие со странами и народами как имеющими право на самобытное культурное наследие и своеобразное развитие. Принципы коммуотарной этики Русского мира адекватны современной ситуации, характеризующейся глобальным пробуждением идентичности, превращением темы идентичности в ключевую тему международных отношений. Они отвечают интересам большинства населения земли, могут быть востребованы всеми людьми, послужить обретению полноформатных механизмов стратегического взаимодействия между странами, раскрытию потенциала всемирной кооперации.

От возвышенной коммуотарной этики Русского мира неотделим русский язык. Русский мир – пространство распространения и влияния русского языка.

Русский язык есть осуществление дара всечеловечности. Им русский народ доказал, что он вселенский и всечеловеческий по своему духу. Русский язык претворил Российское цивилизационное пространство в органическое целое. Он выражает всемирный дух России, исполняет ее всемирно-исторические задачи.

Во всемирном значении русского слова отчетливо прослеживается российская миссия глобального служения. Через русский язык Россия всесторонне содействует развитию человеческой солидарности и мирной кооперации при сохранении многообразных культурных форм.

Известно, что язык – это мировосприятие и мировоззрение. Язык несет смыслы и ценности, определяющие строение жизненного мира. Русский язык – активный носитель истины нравственного единения человечества при сохранении всего своеобразного и уникального. Это язык миролюбия и братства.

Русский язык имеет вселенско-преображающее значение. Русским словом воссоединяется социокультурный космос, осуществляется преобразование социальной жизни в пространство Русского мира. Это объединяющий язык, преобразующе соединяющий личности и мироздание, осуществляющий духовно-преображающее возделывание вселенной.

Русский язык является языком, сберегающим культурное достояние, хранящим неповторимое духовное наследие народов. Вместе с тем он выступает языком развития, языком современности, способствующим модернизационным преобразованиям стран и народов, содействующим их активному социально-политическому, научно-технологическому, экономическому росту и прогрессу.

Русский язык – глобальный язык мира и солидарности, прогресса и развития, объединяющий народы, связывающий человечество. Он является общечеловеческим достоянием.

Русский язык справедливо может быть уподоблен греческому койне. Он сыграл ту же роль, что и греческий койне, связывая Восток и Запад на глобальных евразийских просторах. Как и греческий язык, он выступил собирателем великого цивилизационного пространства, явился проводником определенной модели глобализации. Вселенскость русского языка во многом обусловлена тем, что Россия творчески продолжила греко-византийские традиции.

Русско-византийские отношения исторически носили сущностный, глубокий характер. С принятием христианства свершается усвоение творческого ядра византийской цивилизации Россией. Византийское наследие органично входит в российские исторические ткани, становится неотъемлемой составляющей российского историко-культурного процесса, делается фактором формирования цивилизационной субъектности и суверенитета, источником оформления самобытного лика России, пробуждает ее грандиозные исторические силы.

Со всем основанием надо говорить о российском созидательном воспроизведении византийской традиции. Если использовать терминологию великого отечественного философа Г.В. Флоровского, то Россия может быть названа цивилизацией русского византизма (или эллинизма). Как таковая она творчески воссоздает византийско-эллинистический проект глобализации. Русский мир предстает его органическим продолжением.

Византия в непрерывной преемственности претворяла линии античной глобализации, воплощая эллинистическую вселенскую идею, восторжествовавшую со времен Александра Македонского. Несомненно, эллинизм в Византии был воцерковлен. Христианство и эллинизм слились в единое целое. Византия предстает как эллинохристианская цивилизация, цивилизация эллинохристианского духа. Она осуществляет всемирное шествие эллинизма в его неразрывной связи с христианской идеей, выступая всемирным проводником духовности и прогресса.

Византийскую эстафету переняла Россия, преемственно став движущей силой глобализации культурно-исторического процесса, вбирающей новые регионы планеты. Всемирное влияние русской культуры и Российской цивилизации, формирование пространства Русского мира предстает как творческое продолжение глобализации византийско-эллинистической.

В контурах Русского мира отчетливо проступают черты византийской глобализации, очевидно созерцаются византийско-эллинистические основания. Это касается утверждения ценности личного бытия и достоинства народов, свободного и суверенного развития как отдельной личности, так и целых народов и стран. Нельзя забывать о том, что сама концепция свободного суверенного субъекта была выработана в ходе византийско-эллинистической глобализации, выразившей христианские ценности на языке античной культуры.

Важно указать и на то, что Византия была миростроительным государством, всемерно распространяющим цивилизационную идею, несущим стратегическую стабильность и безопасное развитие в евразийские миры, государством, не знавшим эксплуатируемой периферии. Она утверждала идею равенства народов, их право на культурное наследие и суверенное развитие. Византия содействовала национальному самоопределению, раскрытию культурного своеобразия и неповторимых идентичностей, способствовала сложению многополярного мироустройства, формированию всемирной солидарности и кооперации. Будучи народно-историческим и нравственно-правовым государством, цивилизацией правового классицизма, нравственности и права, цивилизацией культурного континуитета, Византия инспирировала развитие глобального нравственно-правового и народно-исторического пространства, что бесспорно уподобляет ее России.

Российско-византийской парадигме глобализации присуще видение единства и целостности истории и вместе с тем полифоничности, плюрализма, неомогенности культурно-исторического процесса. Ей свойственно постижение историчности человеческого существования, а также незавершенности, свободы и открытости исторического движения творческому рождению новых идентичностей и ценностных комплексов. Для нее характерно определение содержания исторического бытия через обретение возвышенного исторического опыта культуры, через оформление ткани истории духовными смыслами, приумножение духовных слоев исторического, свободное культурное самополагание и оформление человека. Ей присуще гармоничное сочетание пространственного движения и проникновения в глубину человеческой души. Она вызвала к жизни творческие энергии, направленные как на преобразование внешнего мира, так и глубокое постижение человеческой природы. Она явила вселенную, где динамическое освоение мироздания гармонично соединилось с творческим освоением культурной самобытности, духовно-ценностных ресурсов прошлого и настоящего, углублением исторической памяти, обогащением, непрерывным

созидательным обновлением духовных сил. Она носит возвышенный смысло-ценностный характер и может со всем основанием быть названа идеационной глобализацией – глобализацией, в основании которой лежат высокие духовные смыслы, определяющие структуры рационально-технической стороны цивилизационного космоса. Идеационная глобализация предстает целостным духовно-ценностным явлением, осуществленным в непрерывных линиях российско-византийского исторических развития.

Подведем итоги. Русский мир предстает как трансконтинентальное пространство и наднациональная общность. Его духовно-ценностные основания органически связаны с аксиосферой страны-цивилизации России. Сопричастность Русскому миру означает вовлеченность в бытие Российской цивилизации и русской культуры, соучастие в их аксиосфере.

Русский мир – явление глобального масштаба. Он – форма участия России в исторических судьбах человечества. Он выражает всемирную роль России в началах глобального служения, являет Российскую цивилизацию и русскую культуру в модусе духовного служения странам и народам.

Русский мир – пространство отождествления личности и достоинства. Это мир, утверждающий достоинство народов, содействующий раскрытию и расцвету их творческих сил и созидательных дарований.

Русский мир – пространство, пронизанное духом свободы. Это свободный мир. Он развивается в традициях органического свободолобия, зиждется на утверждении суверенитета в качестве универсальной и фундаментальной ценности, свидетельствует о значимости свободного суверенного духовно-творческого самостояния, нормативно исключает попрание прав народов на суверенный самобытный путь.

Он выражает свойственное России архитектурное стремление к развитию мира как всечеловеческого солидарного космоса в неповторимых конфигурациях, космоса бесконфликтного и многополярного. Будучи соединяющим творческим посредником между странами и народами, служа мостом между ними, он выступает носителем и выразителем исторической миссии России и русской культуры.

Русский мир – пространство миротворческое, создающее формы жизни, идеи и ценности, укрепляющие согласие между людьми. Речь идет об очаге общепланетарной солидарности и кооперации, пространстве миростроительного развития, которым могут воспользоваться все народы ради достижения миротворческих целей, пространстве, где отстаивается подлинная суть миротворчества, имеющая в виду благо для всех, пространстве, служащем формированию стратегической стабильности и безопасности на планете.

Важно указать на подлинно прогрессивный характер Русского мира. Его силы направлены на укрепление человеческой солидарности и мирной кооперации при сохранении многообразных культурных форм, что составляет

сущность прогресса. Им нормативно утверждается прогрессивная идея равенства народов и стран. Он служит опровержению различных форм расизма, колониализма, несправедливого деления народов на цивилизованные и варварские, внедряемой идее о неизбежном противоборстве стран и цивилизаций. Посредством Русского мира Россия предлагает справедливый, основанный на любви к ближнему, мире и духовном единстве, сценарий глобализации.

Русский мир выступает оплотом традиционной духовности, пространством отстаивания традиционных ценностей и стилей жизни, высокой идентичности. Он есть мир народно-исторический, создающий условия для всестороннего раскрытия и развития народно-культурной самобытности.

Русский мир – мир, отстаивающий суверенитет права. При этом речь идет об отстаивании правотворчества, укорененного в естественно-правовых (или нравственно-правовых) основаниях.

Русский мир творится как коммуникативное сообщество, жиждущееся на принципах коммуникативной этики русской культуры и Российской цивилизации. Коммуникативная этика Русского мира строится на уважении духовного достоинства народов, умении увидеть всю глубину и своеобразие их исторических путей, ментальности и идентичности. Она означает взаимодействие со странами и народами как имеющими право на самобытное культурное наследие и своеобразное развитие.

Русский мир – пространство распространения и влияния русского языка. Русский язык – язык нравственного единения человечества, осуществляющий духовно-преображающее возделывание вселенной. Это язык мира и солидарности, прогресса и развития.

В контурах Русского мира отчетливо проступают черты византийской глобализации, очевидно созерцаются византийские основания. Формирование его пространства предстает как творческое продолжение глобализации византийско-эллинистической, носящей возвышенный смыслоценностный характер, являющейся глобализацией идеационной.

Общегражданская философия как альтернатива государственной идеологии. Возможность и базовые смыслы

Волобуев Сергей Григорьевич,
заместитель руководителя Экспертного центра ВРНС

К постановке вопроса

На протяжении всех постсоветских десятилетий в российском обществе не прекращается дискуссия о «государственной идеологии». Одна сторона этой дискуссии говорит о необходимости государственной идеологии. Другая указывает на соответствующую статью в Конституции России, которая прямо налагает запрет на государственную идеологию.

На наш взгляд, данная дискуссия непродуктивна в принципе.

По сути, каждая из сторон выражает определенную правду. Те, кто говорят о необходимости «государственной идеологии», совершенно справедливо отмечают то обстоятельство, что устойчивое и поступательное развитие общества и государства невозможны, если в обществе отсутствуют объединяющие начала идейного и ценностного плана. Те же, кто отрицают необходимость «государственной идеологии», совершенно правы в том, что придание какой-либо идеологии общеобязательного (государственного) статуса существенно суживает интеллектуальный горизонт общества и государства, блокирует творческую самореализацию граждан.

Вместе с тем, следует категорически отвергнуть неправду, которую содержат в себе обе представленные позиции.

Сторонники введения «государственной идеологии» как будто намеренно забывают, что помимо идеологии, существуют другие формы общественного сознания. Такие, например, как наука, философия и религия. Забывают они и том, что идеология, как и повседневное сознание, являются вторичными, производными формами, не выполняющими ни познавательных, ни прогностических функций. В отличие от базовых форм общественного сознания: религии, философии и науки.

Отметим, что политики часто ссылаются на здравый смысл и моральные ценности как основание собственных суждений и действий. Действительно, здравый смысл и моральные ценности соразмерны повседневному опыту отдельных людей и общества в целом. Однако сам по себе повседневный опыт (как индивидуальный, так и социальный) ограничен и фрагментарен, поэтому он не может быть фундаментом для решения сложных вопросов общественного бытия и общественного развития. Религия, философия, наука представляют

собой совокупность стратегий преодоления повседневности, приоткрытия завесы тайны, которая сокрыта в самом существе бытия. Сама по себе повседневность, вырванная из метафизического контекста, переживается человеком как абсурд, как бессмыслица и пустота. Повседневность не самодостаточна, повседневное знание, так называемый здравый смысл, складывается из знаний, рецептов, мудрости, добытых отнюдь не повседневным опытом. Подобно тому, в неповседневном религиозном опыте коренится моральный энтузиазм, без которого любое общество «выдыхается», лишается иммунитета и защиты от разного рода моральных язв и коррупции.

Поэтому поиски объединяющих общество интеллектуальных и ценностных начал следует вести на большей глубине, нежели идеология или повседневное сознание.

Противники же «государственной идеологии» склонны отождествлять конституционный запрет на таковую с утверждением принципа «мировоззренческого нейтралитета» государства. Однако, во-первых, принцип «мировоззренческого нейтралитета» сам по себе является сильным идеологическим постулатом и, таким образом, должен подпадать под действие соответствующей статьи Конституции. Во-вторых, и это на самом деле главное, принцип «мировоззренческого нейтралитета» государства выступает в современных условиях чрезвычайно опасным для государства и общества постулатом, принятие которого к руководству может вести к самым негативным последствиям.

Что имеется в виду?

В современном мире философская по своей сути проблематика прямо вторгается в поле политики и права. Новейшие общественные и политические проблемы возникают на стыке традиционных этических норм, открываемых технологических возможностей и законодательства.

Какие последствия для человеческой природы, для свободы и достоинства человека могут иметь успехи в биомедицинских технологиях?

Могут ли информационно-коммуникативные сети превратиться из «инструмента свободы» и общения в средство манипуляции и атомизации?

Станет ли технотронная эра пространством свободы и развития личности или нас ожидают в будущем новые версии тоталитаризма?

Все эти вопросы имеют отчетливо философский характер.

Ведущие сюжетные линии нашего времени: глобализация и формирование планетарного политического пространства, трансформация представительной демократии в «медиа-демократию», открытие и освоение мирового информационного пространства, развитие информационных и основанных на них социальных технологий, создание техник трансформации человеческой природы и «предписанных» природой и культурой статусов, – с новой остротой ставят перед человечеством именно философские вопросы: о смысле и законах бытия, о человеческом в человеке, о добре и зле, о свободе и необходимости.

Современность решительно обнажает философские проблемы, перемещает их из академических кабинетов и университетских аудиторий в публичное пространство.

Таким образом, сегодня государство и общество попросту не могут не решать философские проблемы: они неотступно входят в повестку дня.

Однако проблема не в том, что государство и общество сегодня не могут не решать философские проблемы. Проблема в том, что **«мировоззренчески нейтральное» государство в принципе не способно их решать, а общество, управляемое «мировоззренчески нейтральным» государством, оказывается лишенным основного инструмента развития, которым было и остается именно государство.**

«Мировоззренчески нейтральное» государство оказывается неэффективным перед лицом новейших вызовов, связанных с глобализацией и формированием техносферы. В новых условиях **последовательно реализующее принцип «мировоззренческого нейтралитета» государство по факту превращается в имперсональную «машину» по производству философских «ответов»** (в форме управленческих решений, прежде всего – в форме нормативно-правовых актов), формулируемых не в соответствии с так или иначе понимаемой истиной, а в соответствии с теми или иными интересами. Результатом работы такой имперсональной машины становится нормативно-правовая система, содержащая в себе неразрешимые логические и ценностные противоречия, тем самым – фиксирующая общество и его базовые институты в состоянии ценностного релятивизма и нигилизма. Этим, собственно, практически опровергается утверждение о «нейтральности» принципа «мировоззренческого нейтралитета», демонстрируется то обстоятельство, что принцип «ценностного нейтралитета» может выступать инструментом действия и маскировки для разрушительных сил, опасаящихся публичной идентификации собственных этических и мировоззренческих оснований.

В самом деле, чем иным является мировоззренчески нейтральное государство, нежели чистой властной функцией? Смысловая и ценностная невменяемость этой функции, предписываемая принципом «мировоззренческого нейтралитета», не есть ли тревожный сигнал, достаточный для отказа от этого принципа?

Итак, для движения вперед нашему обществу нужно выйти за пределы ложной дилеммы: «мировоззренческий нейтралитет» – государственная идеология. Результатом исторического транзита, переживаемого нами на протяжении последних десятилетий в сфере общественного сознания, должно стать обретение общегражданской философии.

Именно в этой плоскости должны быть поставлены и решены очень серьезные вопросы. Прежде всего: как в принципе возможна общегражданская философия в условиях конституционно-гарантированных свободы мнений и

свободы совести? Если возможно, то какие положения могут составить общегражданскую философию?

Надо сразу же зафиксировать: постановка вопроса об общегражданской философии не может и не должна быть посягательством на свободу суждений и свободу общественной дискуссии. Свобода и достоинство личности есть фундаментальный выбор новой России, выбор выстраданный и оправданный. Именно утверждение свободы и достоинства личности определяет все успехи и все трудности нашей новейшей истории.

Выбор свободы определяет основные характеристики современного общественного сознания России. К ним можно отнести:

Отсутствие «единственно верного» и «все объясняющего» учения.

Крушение монополии материалистической философии было воспринято многими как крушение философии вообще, как знак ненужности мировоззрения как такового. Часть общества и элиты подвергла забвению, вытеснению из публичного пространства принципиальные вопросы бытия человека, общества, устройства мира. Предпринимается попытка возвращения поколений «чистых прагматиков», полностью «свободных» от «метафизической» и «этической» проблематики.

Абсолютный мировоззренческий плюрализм. Значительные сегменты российского общества живут в различных мировоззренческих контекстах (философских, религиозных, идеологических), руководствуются зачастую полярными представлениями о человеке, его ценности и предназначении, полярными этическими ценностями, противоположными оценками истории и исторических деятелей и т. д.

Широта спектра общественных умонастроений: от идеологического фанатизма до полного мировоззренческого индифферентизма.

Синкретизм, при котором некритически сочетаются разнородные представления и ценности.

Фактическая, но инерционная, монополия материалистических представлений в системе образования, в общественных науках, в экспертных оценках.

В целом представленную ситуацию можно обозначить как **общественный мировоззренческий кризис**, который оборачивается идейной беспредпосылочностью публичной сферы, необоснованностью общественных и политических практик, порой, – чистым волюнтаризмом.

Вместе с тем, реализация долгосрочной стратегии развития страны, сохранение ее идентичности должны опираться на ясную философию, иметь под собой определенные представления о человеке, обществе, мироздании, закономерностях бытия.

Определенная философия необходима и для формирования активной, и при этом ответственной, гражданской позиции.

Формирование и реализация стратегии развития страны в условиях мировоззренческого кризиса неизбежно сталкивается с целой серией соответствующих проблем для государства и общества.

Во-первых, это **проблема обоснования долгосрочной политики в ситуации множественности глобальных рисков**. В условиях мировоззренческого кризиса государство и общество лишены возможности быстро и однозначно оценивать те или иные явления, распознавать угрозы и обосновывать свою политику. Разноречивые экспертные оценки, расчеты и показатели, не имеющие под собой философского базиса, оказываются стратегически неэффективными, а также зачастую логически противоречивыми. Отсутствие четкого философского понимания человеческой природы и характера общественных закономерностей с необходимостью делает непоследовательной и противоречивой социальную, культурную, образовательную политику. Взятые вместе данные обстоятельства затрудняют достижение общественного согласия относительно стратегических целей развития, а также путей и методов их достижения.

Во-вторых, это **проблема устойчивости цивилизационной идентичности страны в условиях глобализации и так называемого «конфликта цивилизаций»**. Отсутствие общепринятой, публичной концепции цивилизационной идентичности России, – в которой ее различные измерения (русское и российское, православное, европейско-христианское, евразийско-полиэтническое-полирелигиозное и универсальное) были бы логически непротиворечиво увязаны, – делает страну и общество незащищенными перед иными цивилизационными проектами, претендующими на универсальность.

Наконец, указанные проблемы усугубляются острой конкуренцией интересов различных внутренних и внешних акторов, в ходе которой **системы знания манипулятивно искажаются, а ценности становятся инструментом борьбы за власть и влияние**.

В связи с этим становится очевидным, что **освобождение от ложной философии не избавило человека, общество и государство от философских проблем, которые на деле оказываются не столь уж и абстрактными**. Это делает дискуссию об общегражданской философии российского общества неизбежной.

Возможность и дефиниция общегражданской философии

Можно предложить следующее рабочее определение общегражданской философии: таковой следует считать **совокупность идей и принципов, являющихся ответами на фундаментальные вопросы человеческого и общественного бытия, разделяемых основными субъектами общественной и политической жизни страны**.

Если философия по своей природе является интеллектуальным выражением достоинства и свободы человека, то общегражданская философия – это интеллектуальное выражение достоинства и свободы нации, интеллектуальная основа суверенитета политического сообщества.

В наше время изгнанная из публичного пространства и современной массовой культуры философская проблематика интенсивно возвращается в политику, хотя и остается в известной мере неопознанной в собственной специфике. Во всяком случае верно следующее: если в домодерном обществе философские проблемы политики были «заведомо решены» в «традиции», в обществе модерна шаткие метафизические рамки политики существовали в силу инерции «традиции», то в обществе постмодерном, сущностной чертой которого является остановка инерции «традиций», от метафизических вопросов уйти невозможно. Если политики и общественность предпочитают не задаваться «предельными» вопросами, то эти вопросы ставит перед ними новая реальность. Единственным путем ухода от решения метафизических проблем для постмодерного общества остается отказ граждан, общества в целом и его ведущего политического слоя от интеллектуальной субъектности, перекалывание ответственности за тот или иной метафизический выбор на заведомо неподконтрольные непубличные инстанции, шифрующие собственную субъектность ссылками на анонимные по природе «рынок», «научно-технический прогресс», «глобализацию» и т. п.

Сохранение и реализация интеллектуальной субъектности политического сообщества предполагают отвержение принципа «мировоззренческого нейтралитета» государства, понимание того, что государство можно попытаться отделить от любой «метафизики», – точнее, задекларировать таковое отделение, – но избавиться таким образом от метафизических проблем невозможно. Общество, государство и метафизика соприкасаются непрерывно: в политическом решении, в толковании норм права, в создании норм права. Философские вопросы актуализируются сегодня на стыке социальных ожиданий и социальных возможностей, технологического развития и бытийных ограничений.

В связи с этим обретение общегражданской философии, артикуляция ее основоположений в публичном пространстве представляется вопросом, напрямую связанным как с утверждением суверенитета страны, с проблематикой национальной безопасности, так и с упрочением социального, межрелигиозного, межнационального и гражданского мира в обществе.

Как же возможна общегражданская философия в условиях мировоззренческого плюрализма, конституционно-гарантированной свободы мнений и свободы совести?

Здесь необходимо отметить принципиальное обстоятельство: ни государство, ни гражданское общество не генерируют «картины мира», не решают вопрос об истине. Решение вопроса об истине является прерогативой иных инстанций: религии, философии, науки.

Однако, во-первых, государство и гражданское общество не могут игнорировать фундаментальные вопросы человеческого и общественного бытия:

- вопросы о человеке, его сущности и предназначении;
- вопросы об устройстве общества, законах его развития и о социальном идеале;
- вопросы о власти, ее основаниях и миссии;
- вопросы о месте данного сообщества в истории и в современном мире.

Во-вторых, общество и государство с необходимостью делают определенный мировоззренческий выбор, волевым образом утверждают в качестве истинных те или иные положения.

При этом важно понимать **специфику результата общественного мировоззренческого выбора в ситуации плюралистического общества**. В условиях мировоззренческого плюрализма, многообразия мировоззренческих и философских картин мира, представленных в данном политическом сообществе, результатом общественного мировоззренческого выбора становится **система базовых мировоззренческих презумпций**, т. е. представлений, истинность которых утверждается до тех пор, пока не будет доказано иное.

Также следует понимать, что в плюралистическом обществе **базовые мировоззренческие презумпции необходимо имеют рамочный, фреймовый характер**, достаточный как для сохранения мировоззренческой свободы участников общественного диалога, так и для достижения ими минимально необходимого уровня согласия, без которого общественный диалог в принципе не может состояться.

Таким образом, мы можем теперь уточнить определение общегражданской философии в ситуации плюралистического общества. В качестве таковой следует мыслить **сумму презумпций, выступающих «рамочными» ответами на фундаментальные вопросы бытия человека и общества**.

Базовые смыслы общегражданской философии

Что же может составить гражданскую философию современной России? Как могут быть сформулированы соответствующие «рамочные» презумпции?

Здесь, для продуктивного движения вперед, необходимо осознать, что именно **конститутивные для современного общества идеи свободы и достоинства личности являются не препятствием для обретения общегражданской философии, как это преподносится зачастую, а точкой опоры для обретения таковой**.

Достоинство и свобода личности выступают теми идеями, относительно которых сегодня может быть положена система мировоззренческих координат нашего общества. Для этого требуется принятие основными субъектами

современной общественной дискуссии такой интерпретации понятий достоинства и свободы человека, которая включает в их объем:

- духовное измерение человеческого существования;
- соответствующие ему обязанности и права человека;
- соответствующий образ общества и власти.

Иначе говоря, **сегодня и обществу и государству, обретая общегражданскую философию, следует исходить из понимания человека как личности.**

Данная категория предполагает рассмотрение человека как существа, одновременно:

- телесного и духовного, нередуцируемого к телесному началу;
- социального и уникального, нередуцируемого к социальным и социокультурным контекстам;
- обусловленного и свободного;
- способного к самотрансформации (трансцендированию), а потому – ответственного;
- конечного (смертного) и бесконечного, живущего надеждой на вечность;
- способного как к творчеству и развитию, так и к деградации,
- устремленного как к благу и достоинству, так и ко злу и утрате достоинства;
- способного к познанию истины, но – в силу конечности земной жизни и целого ряда объективных ограничений – к ограниченному познанию (что делает необходимой веру как существенное измерение личного и общественно-го бытия).

Актуализация этих антропологических идей не является излишней в контексте непрекращающихся попыток редуцировать человека к его телесному и социальному измерению, изъять из общественного и политического рассмотрения его уникальную духовную природу, его духовную субъектность («Я»).

Вместе с тем, утверждение презумпции субъектности и духовного достоинства личности в качестве основоположения общегражданской философии не означает идеализацию и абсолютизацию человека. В контексте общегражданской философии должно преломиться понимание, что человеку и обществу присущи несовершенства, ошибки или прямо злонамеренная воля. Печальный исторический опыт XX века (мировые войны, тоталитарные диктатуры, культурная и нравственная деградация потребительского общества) делают ненужной дополнительную аргументацию данного тезиса.

Отсюда с необходимостью вытекает, в качестве существенного аспекта общегражданской философии, понимание высокой значимости духовно-обоснованного нормативного порядка в обществе и институтов, поддерживающих и развивающих его: образования, культуры и религии. Здесь же необходимо обозначить ценность государства и права, как институтов, призванных актуализировать духовные ценности, делать их действенными,

«работающими» в контексте повседневности. При этом важно удерживать понимание соответствующей роли государства и права в связи с презумпцией духовного достоинства личности. Отвержение принципа «мировоззренческого нейтралитета» государства и ценностной «безотносительности» права не должно мыслиться как рецидив тоталитарных практик, а быть шагом на пути усвоения государству и права роли, связанной с поддержкой и утверждением духовного достоинства человека и гражданина, его подлинной и позитивной свободы.

Теперь необходимо контурно обозначить ряд тем и сюжетов общегражданской философии, мыслимых в связи с презумпцией духовного достоинства личности.

Важнейшей темой, которая должна получить свое развитие в контексте общегражданской философии, выступает тема **идентичности**: национальной, религиозной, цивилизационной, общегражданской и т. д. С учетом презумпции духовного достоинства личности тема идентичности человека и гражданина должна приобрести новое звучание. Если обычно идентичность рассматривается как осознаваемая человеком принадлежность к некоей общности, то в горизонте, открываемом презумпцией духовного достоинства и субъектности человека, идентичность может трактоваться как принадлежность общности человеку, осознаваемая им как его личная ответственность и как возможность для личностного свершения. То есть мы не только можем говорить, что гражданин является частью своего народа, религиозной общины, общества и т. д., но и утверждать, что судьба той или иной общности, ее культура, ее история и традиции составляют существенное измерение самосознания гражданина, фундамент его «самостояния» и зону личной ответственности.

Аналогичным образом должна получить переосмысление проблематика **патриотизма**, которую необходимо дополнить комплексом сюжетов, отражающих личностные смыслы и личностную значимость Страны, Родины для каждого гражданина. В связи с этим следует признать показательным опыт нового раскрытия «личностного» значения Дня Победы для новых поколений, выразившегося в том числе в движении «Бессмертный полк». Сила данного проекта определяется именно его экзистенциальной спецификой: обращенностью к семейным и родственным воспоминаниям, к образам и судьбам конкретных воевавших и трудившихся для фронта предков. Нужно отметить, что личностное отношение к истории, к ушедшим поколениям свойственно и ряду иных общественных проектов, направленных на увековечивание памяти наших сограждан, ставших жертвами политических репрессий, гонений на религию и т. д. К сожалению, зачастую в публичном пространстве происходит искусственное противопоставление (условно говоря) «Бессмертного полка» и «Бессмертного барака». Перед нашим обществом стоит задача примирить эти движения, что возможно только на экзистенциальной основе, только исходя из презумпции уважения духовного достоинства человека.

Здесь, конечно, не может быть обойден молчанием вопрос об **оценке истории**. Представляется очевидным, что вынесение оценки тем или иным историческим деятелям, событиям, периодам и тенденциям – не только право, но и прямая обязанность свободной и ценностно-мыслящей личности. Равно-безразличное принятие всего потока истории, без применения критериев добра и зла, есть форма ценностного релятивизма на грани цинизма. Более того: без оценки истории и исторической эмпирики невозможно утверждение единства истории и единства общества. Единство общества не может иметь своей основой ценностное безразличие и нравственный релятивизм. Единство истории не есть механическая сумма исторических событий. Единство истории обеспечивается надисторическим единством ценностей и идеалов народа, вне которых единство истории превращается в бессмысленный и бесцельный поток природно-культурных явлений.

При этом остается актуальным вопрос: как же мыслить единство истории, не впадая в апологетику ее отдельных периодов и деятелей? Думается, что **надо учиться любить прошлое своей страны, не теряя способности различать добро и зло, и надо учиться судить прошлое своей страны, не теряя любви. По крайней мере – не теряя уважения к человеческому достоинству ушедших поколений.**

Еще один важный акцент: **историю можно и должно судить суверенно. Оценка истории должна быть суверенным делом политического сообщества.** Нельзя позволять судить свою страну и свою историю внешним силам, навешивать на нее те или иные ярлыки. Но нельзя впасть и в другую крайность: превращать провалы своей истории в предмет национальной гордости. Всем внешним суждениям и оценкам следует противопоставить твердое и трезвое суждение: **это наша история, и только Бог и мы сами судим ее, сами исправляем ее кривизну – не по чужим чертежам и лекалам, а в соответствии с нашими ценностями.**

Утверждение презумпции духовного достоинства личности также предполагает решительное отвержение целого ряда интеллектуальных штампов, довлеющих над нашим обществом, закрывающих его интеллектуальный горизонт. Так, вырванное из аутентичного и очень сложного контекста утверждение о том, что экономика является «базисом» общественного бытия, а культура и иные сферы общественной жизни – зависимой и производной «надстройкой», одновременно ограничивает и дискуссию о возможностях социально-экономического развития страны, и общественное внимание к так называемому «человеческому фактору», который в определенные периоды истории является решающим.

Еще одним таким штампом выступает идея «бесконечного роста» экономики и благосостояния общества. Будучи абсурдной и противоречивой, данная идея, довлея над обществом и государством, загоняет их в ловушку заведомо

нереализуемых ожиданий и обязательств, запускает механизмы роста протестных или прямо революционных настроений в части общества.

В целом необходимо отметить, что идея духовного достоинства личности, ее свободы, нередуцируемости к совокупности материальных обстоятельств бытия, не может быть согласована с представлениями, абсолютизирующими экономический и природный детерминизм общественного и культурного развития. В пространстве общественного диалога **должно постепенно утверждаться понимание служебной роли экономики по отношению к базовым, экзистенциальным смыслам бытия человека и общества.** Важно формировать такой уровень общественного согласия, при котором **достоинство человека и общества, суверенитет страны, устойчивость ее политической и правовой системы не будут рассматриваться как зависимые от всегда изменчивой и неустойчивой экономической конъюнктуры.**

Наконец, принцип (презумпция) духовного достоинства личности позволяют по-новому ставить **вопросы о справедливости и о социальном идеале.** Справедливость в данном контексте может быть определена как **состояние защищенности достоинства личности, а социальный идеал – как состояние общества, обеспечивающее защищенность достоинства личности.** Таковому критерию в полной мере **отвечает идеал солидарного общества,** проблематика построения которого составляет существенную часть обретаемой нами общегражданской философии.

Редакционная коллегия:

Костин Олег Александрович,

заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора

Веремчук Виталий Алексеевич,

руководитель Юридической службы Всемирного Русского Народного Собора

Волобуев Сергей Григорьевич,

заместитель руководителя Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора – шеф-редактор

Лепехин Владимир Анатольевич,

директор Института ЕвразЭС, член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня», координатор Дискуссионного клуба Всемирного Русского Народного Собора, кандидат философских наук

Расторгуев Валерий Николаевич,

профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Научного совета Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора, доктор философских наук

Ремизов Михаил Витальевич,

президент Института национальной стратегии, кандидат философских наук

Рудаков Александр Борисович,

руководитель Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора – главный редактор

Тимаков Владимир Викторович,

заместитель руководителя Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора

Щипков Александр Владимирович,

первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, доктор политических наук

Над номером работали:

С. Дубинкин,
В. Малягин,
Н. Шапошникова,
О. Гришина,
М. Максимов,
А. Григорьев

Вестник Экспертного центра ВРНС. –

Москва: Изд-во «Даниловский благовестник», 2017. – Вып. 4. – 92 с.

- © Всемирный Русский Народный Собор, тексты, 2017
- © Издательство «Даниловский благовестник», оформление, верстка, 2017
- © Фонд просвещения «МЕТА», 2017

Лицензия ЛР № 03571 от 20 октября 1998 г.
Подписано к печати 04.10.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Даниловский благовестник»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 22